

Дом на краю темноты

Автор:

[Райли Сейгер](#)

Дом на краю темноты

Райли Сейгер

Новый мировой триллер

Мэгги Холт ненавидит вопросы о своем детстве и книгу, написанную ее отцом. Книга не дает ей покоя уже двадцать пять лет, с тех пор как семья Мэгги переехала в викторианский особняк Бейнберри Холл и вынуждена была сбежать оттуда три недели спустя, посреди ночи, чтобы никогда больше не возвращаться. В своем романе отец Мэгги описал все мрачные и мистические события, произошедшие в особняке, и книга сделала семью Холт известной. Но Мэгги не помнит ничего из своего детства и не верит ни единому слову в романе.

После смерти отца Мэгги наследует тот самый особняк и хочет подготовить его к продаже. Теперь призраки прошлого готовы выйти из тени и рассказать Мэгги тайну Бейнберри Холл. Но готова ли она встретиться с секретами, что поджидают ее в стенах старого дома? И что, если человеческие поступки окажутся страшнее любых привидений?

Райли Сейгер

Дом на краю темноты

Для тех, кто рассказывает истории о привидениях...

и для тех, кто в них верит.

У каждого дома есть своя история и свой секрет.

Обои в столовой могут скрывать пометки карандашом с ростом детей, живших здесь десятки лет назад. А под выцветшим линолеумом может быть дерево, по которому когда-то ходили солдаты революции.

Дома всегда меняются. Слоя краски. Ряды ламината. Новые ковры. Они скрывают истории и секреты до тех пор, пока кто-то не придет, чтобы их раскрыть.

Это я и сделаю.

Меня зовут Мэгги Холт. Я дизайнер и во многом историк. Я раскапываю историю каждого дома и пытаюсь вытащить ее наружу. Я горжусь своей работой. У меня хорошо получается.

Я слушаю.

Я учусь.

Я использую это знание, чтобы спроектировать интерьер, который, при всей своей современности, все равно говорит о прошлом дома.

У каждого дома есть история.

Наша же история о привидениях.

И еще это ложь.

И теперь, когда еще один человек умер в этих стенах, наконец-то пришло время рассказать правду.

Пролог

1 июля

- Папочка, надо проверить, нет ли призраков.

Я застыл в дверях спальни дочери, поражаясь, как и все родители, когда их ребенок говорит что-то настолько сбивающее с толку. Пожалуй, с тех пор как Мэгги исполнилось пять лет, надо было уже привыкнуть. Но я не привык. Особенно с такой-то неожиданно странной просьбой.

- Надо?

- Да, - настойчиво ответила Мэгги. - Я не хочу, чтобы они были у меня в комнате.

До этого момента я и не подозревал, что моя дочь знает, кто такие призраки, не говоря уж о том, чтобы бояться их у себя в комнате. Больше одного, судя по всему. Я обратил внимание на выбор ее слов.

Они.

Я винил в этом наш новый дом. К тому времени мы пробыли в Бейнберри Холл почти неделю - вполне достаточно, чтобы заметить его странности, но недостаточно, чтобы привыкнуть к ним. Стены, как будто меняющиеся местами. Шум в ночи. Вентилятор на потолке, который, когда вращался на полной скорости, походил на щелканье зубов.

Мэгги, восприимчивая, как и любая девочка в ее возрасте, явно с трудом ко всему этому привыкала. Накануне вечером, перед сном, она спросила меня, когда мы вернемся в наш старый дом - унылую и тусклую двухкомнатную квартиру в Берлингтоне. Теперь мне предстоит сразиться с призраками.

- Пожалуй, не помешает, - сказал я, потакая ей. - Откуда начать?

- Под кроватью.

Тут ничего удивительного. У меня был такой же страх, когда я был в возрасте Мэгги – я не сомневался, что-то ужасное прячется в темноте в нескольких дюймах ниже того места, где я сплю. Я опустился на четвереньки и быстро заглянул под кровать. Там скрывались лишь тонкий слой пыли и одинокий розовый носок.

– Все чисто, – объявил я. – Где дальше?

– В шкафу, – сказала Мэгги.

Я так и догадался, поэтому уже шел к шкафу. Эта часть дома – получившая название «крыло Мэгги», потому что в нем находилась не только ее спальня, но и прилегающая к ней игровая комната – располагалась на втором этаже под наклоном крыши. Из-за скошенного потолка одна половина старой дубовой двери шкафа тоже была скошена и из-за этого неуловимо напоминала вход в сказочную избушку. И это была одна из причин, почему мы решили, что здесь должна жить Мэгги.

– В шкафу ничего, – сказал я, театрально дергая за цепочку, чтобы включить лампочку в шкафу, и проверяя все между вешалками. – Еще где-нибудь?

Мэгги направила дрожащий указательный палец на массивный гардероб, который стоял на страже в нескольких футах от стенного шкафа. Это была реликвия дома, вещь из прошлого. Странная. Выше восьми футов. Его узкое основание постепенно расширялось до внушительной середины, а затем внезапно сужалось к вершине. Его венчали резные изображения херувимов, птиц и плюща, вьющегося по углам. Я подумал, что, как и дверца шкафа, он создает в комнате Мэгги особую, сказочную атмосферу. Что-то, напоминающее о путешествиях в Нарнию.

Но когда я приоткрыл двойные дверцы шкафа, Мэгги глубоко вдохнула, готовясь к тому ужасу, который она сама себе придумала.

– Ты уверена, что хочешь его открыть? – спросил я.

– Нет, – Мэгги замолчала, а потом передумала. – Да.

Я распахнул дверцы, скрывающие за собой лишь несколько платьев с оборками, которые моя жена купила в надежде на то, что наша девчонка-сорванец когда-нибудь будет их носить.

- Тут пусто, - сказал я. - Видишь?

Мэгги заглянула за дверцы с кровати, а потом облегченно выдохнула.

- Ты же знаешь, что призраков не существует, да? - спросил я.

- Ты ошибаешься, - Мэгги поглубже залезла под одеяло. - Я их видела.

Я взглянул на свою дочку, пытаюсь не выглядеть шокированным, хотя так и было. Я знал, что у нее развитое воображение, но я и не думал, что настолько. Она даже видела несуществующие вещи и верила в их реальность.

И она правда верила. Я это видел в ее взгляде, в уголках ее больших глаз собирались слезы. Она верила, и это ее ужасало.

Я сел на краешек ее кровати.

- Призраков нет, Мэг. Если не веришь мне, то спроси маму. Она ответит тебе то же самое.

- Но они есть, - настаивала Мэгги. - Я их все время вижу. И один из них разговаривает. Мистер Тень.

По моей спине пробежал холодок.

- Мистер Тень?

Мэгги ответила отрывистым, испуганным кивком.

- И что же говорит мистер Тень?

– Он говорит... – Мэгги сглотнула, изо всех сил стараясь сдержать слезы. – Он говорит, что мы тут умрем.

Глава первая

Как только я захожу в офис, я понимаю, как все пойдет. Такое уже было. Столько раз, что не сосчитать. И хотя у всех этих случаев слегка разные вариации, итог всегда один. На этот раз я и не ожидаю ничего нового, особенно когда секретарша расплывается в улыбке, в ее глазах мелькает узнавание. Очевидно, она хорошо знакома с Книгой.

Величайшее благословение нашей семьи.

А также самое большое проклятие.

– У меня назначена встреча с Артуром Розенфельдом, – говорю я. – Меня зовут Мэгги Холт.

– Конечно, мисс Холт, – секретарша быстро окидывает меня взглядом, сравнивая и противопоставляя маленькую девочку, о которой она читала, с женщиной, стоящей перед ней в потертых ботинках, зеленых брюках-карго и фланелевой рубашке, испещренной опилками. – У мистера Розенфельда сейчас звонок. Он будет здесь через минуту.

Секретарша – по имени Венди Дэвенпорт, судя по табличке на столе – показывает на кресло у стены. Я сажусь, а она все продолжает поглядывать в мою сторону. Я предполагаю, что она оценивает шрам на моей левой щеке – бледный надрез длиной в пару сантиметров. Он довольно знаменит, если подумать.

– Я читала вашу книжку, – заявляет она очевидное.

Я не могу не исправить ее:

– Вы имеете в виду книгу моего папы.

Это распространенное заблуждение. Хоть мой отец и числится единственным автором, все считают, что мы все внесли свою лепту. И хотя это может быть правдой, если говорить о маме, но я же не играла в создании Книги абсолютно никакой роли, несмотря на то что была одним из главных персонажей.

– Мне очень понравилось, – продолжает Венди. – Когда я не была напугана до смерти, конечно.

Она делает паузу, и я внутренне сжимаюсь, зная, что последует дальше. Оно ведь всегда следует. Каждый чертов раз.

– Каково это? – Венди наклоняется вперед, пока ее пышная грудь не прижимается к столу. – Жить в том доме?

Вопрос, который неизбежно возникает всякий раз, когда кто-то связывает меня с Книгой. К этому времени у меня уже есть готовый ответ. Я рано поняла, что без него никак не обойтись, поэтому всегда держу его под рукой, как очередной инструмент в моем ящике.

– Я почти ничего не помню из того времени.

Секретарша вздергивает одну слишком выщипанную бровь.

– Совсем ничего?

– Мне было пять, – говорю я. – У вас много воспоминаний с этого возраста?

По моему опыту, на этом заканчивается пятьдесят процентов разговоров. Просто любопытные понимают намек и отстают. Но болезненно заинтересованные так просто не сдаются. Я подумала, что Венди Дэвенпорт, с ее румяными щеками и дорогой одеждой, относится к первой группе. Оказывается, я ошиблась.

– Но это же было так ужасно! То, что пришлось пережить вашей семье, – говорит она. – Я бы точно запомнила хоть что-то.

У меня есть несколько заготовленных вариантов ответа. Если бы я была на вечеринке, расслабленная и добрая после парочки коктейлей, я бы поддалась и просто ответила: «Я помню, что все время боялась, но не знала почему».

Или: «Наверное, я была так испугана, что мозг просто заблокировал воспоминания».

Или самое любимое: «Некоторые вещи слишком ужасны, чтобы их помнить».

Но я не на вечеринке. И я не расслаблена и не добра. Я у адвоката, и мне вот-вот передадут наследство моего недавно умершего отца. Мой единственный выбор – быть прямолинейной.

– Ничего не было, – говорю я Венди. – Мой папа все это придумал. И когда я говорю «все это», я и имею в виду все это. В этой книжке все вранье.

Выражение лица Венди меняется с широко распахнутых любопытных глаз на что-то более жесткое и мрачное. Я разочаровала ее, хотя она должна быть благодарна, что я говорю правду. Вот мой отец никогда не считал это необходимым.

Его версия правды сильно отличалась от моей, хотя у него тоже был готовый ответ, сценарий которого никогда не менялся, с кем бы он ни говорил.

«Я врал насчет многих вещей за всю мою жизнь», – сказал бы он Венди Дэвенпорт, излучая харизму. – «Но то, что случилось в Бейнберри Холл – не одна из них. Каждое слово в этой книжке правда. Клянусь Всевышнему».

Это соответствует публичной версии событий, которая звучит примерно так: двадцать пять лет назад моя семья жила в доме под названием «Бейнберри Холл», расположенном недалеко от деревни Бартлби, штат Вермонт.

Мы въехали 26 июня.

Мы сбежали глубокой ночью 15 июля.

Двадцать дней.

Вот сколько мы могли прожить в этом доме, пока не стали напуганы до такой степени, что не могли оставаться там ни минуты.

«Там небезопасно», – говорил полиции мой отец. «Что-то не так с Бейнберри Холл. Там происходят необъяснимые вещи. Опасные вещи».

«В доме, – неохотно признал он, – обитает злобный дух».

Мы поклялись никогда не возвращаться.

Никогда.

Это признание – зафиксированное в официальном полицейском отчете – заметил репортер местной газеты, прославленной брошюры, известной как «Бартлби Газетт». Последовавшая за этим статья, включающая в себя множество цитат моего отца, вскоре была подхвачена радиостанцией штата и попала в крупные газеты в больших городах. Берлингтон, Эссекс и Колчестер. Оттуда она распространилась как зловещий холод, из деревушки в деревушку, из города в город, из штата в штат. Примерно через две недели после нашего побега нам позвонил редактор из Нью-Йорка и предложил рассказать нашу историю в книге.

Поскольку мы жили в мотеле, где пахло затхлым дымом и лимонным освежителем воздуха, отец ухватился за это предложение. Он написал книгу за месяц, превратив крошечную ванную комнату мотеля в импровизированный офис. Одно из моих самых ранних воспоминаний – он сидит боком на унитазах и стучит по пишущей машинке, стоящей на туалетном столике.

Остальное – опубликованная история.

Мгновенный бестселлер.

Феномен.

Самый популярный «настоящий» отчет о паранормальных явлениях со времен «Ужаса Амивилля».

На какое-то время Бейнберри Холл стал самым известным домом в Америке. Об этом писали журналы. Новостные шоу делали репортажи. Туристы собирались у кованых железных ворот поместья, чтобы взглянуть на крышу или на солнечный свет, отражающийся от окон. Даже в «Нью-Йоркере» об этом писали, потому что сняли мультфильм, который вышел через два месяца после того, как Книга попала в магазины. В мультике пара разговаривала с риэлтором возле полуразрушенного дома.

- Нам нравится, - сказала жена. - Но достаточно ли здесь привидений, чтобы написать книгу?

Что касается меня и моей семьи, то мы были повсюду. В журнале «Пипл» мы втроем мрачно смотрели на дом, куда отказывались входить. В «Тайм» мой отец уже сидел в тени и смотрел на него с явным зловещим видом. По телевизору моих родителей либо жалели, либо допрашивали, в зависимости от интервьюера.

Сейчас же любой желающий может зайти на ютуб и посмотреть клип, где мы даем интервью в «60 минут». Вот они мы - идеальная семья. Мой папа - лохматый, но красивый, щеголял бородой, которая войдет в моду только через десять лет. Моя мама - хорошенькая, но выглядящая немного суровой, напряженность в уголках ее рта намекает, что она не совсем в курсе ситуации. И еще я. Голубое платье с оборками. Лакированные туфли. Черная повязка на голове и очень прискорбная челка.

Во время интервью я почти ничего не говорила. Я просто кивала, качала головой или робко прижималась к маме. Кажется, мои единственные слова в течение всего интервью - «Мне было страшно», хотя я не помню, как боялась. Я ничего не помню о наших двадцати днях в Бейнберри Холл. А то, что я помню, окрашено Книгой. Вместо воспоминаний у меня есть отрывки. Это все равно что смотреть на фотографию фотографии. Рамки нет. Цвета потускнели. Изображение слегка потемнело.

Мутно.

Это идеальное слово, чтобы описать наше пребывание в Бейнберри Холл.

Неудивительно, что многие люди сомневаются в истории моего отца. Да, есть такие, как Венди Дэвенпорт, которые думают, что Книга настоящая. Они верят – или хотят верить – что наше пребывание в Бейнберри Холл развивалось именно так, как описывал мой отец. Но тысячи других непреклонно думают, что все это – мистификация.

Я видела все сайты и статьи на «Реддит», которые развенчивали Книгу. Я прочла все теории. Большинство из них предполагают, что мои родители быстро поняли, что они купили дом больше, чем могли себе позволить, поэтому нуждались в каком-то оправдании, чтобы уйти. Другие предполагают, что они были мошенниками, которые намеренно купили дом, где произошло что-то трагичное, чтобы этим воспользоваться.

Теория, в которую я верю еще меньше, состоит в том, что мои родители, осознавая весь потенциал дома, хотели каким-то образом увеличить его стоимость, когда придет время его продавать. Вместо того чтобы тратить целое состояние на ремонт, они решили дать Бейнберри Холлу кое-что другое – репутацию. Это не так-то просто. Дома, которые считались обитаемыми призраками, уменьшаются в цене либо потому, что потенциальные покупатели боятся там жить, либо потому, что те просто не хотят иметь дело с дурной славой.

Я до сих пор не знаю истинной причины, по которой мы так внезапно уехали. Мои родители отказывались мне говорить. Может, они действительно боялись там оставаться. Может, они правда безоговорочно боялись за свою жизнь. Но я знаю, что это не потому, что в Бейнберри Холл водились привидения. Главная причина, конечно, в том, что призраков не существует.

Конечно, многие в них верят, но люди верят во все подряд. Что Санта-Клаус настоящий. Что мы не высаживались на Луну. Что Майкл Джексон жив, здоров и играет в блэкджек в Лас-Вегасе.

Я верю в науку, которая пришла к выводу, что, когда мы умираем, мы умираем. Наши души не задерживаются, шатаясь, как бродячие кошки, пока кто-нибудь не заметит. Мы не становимся теньными версиями самих себя. Мы не селимся в старых домах.

Мое абсолютное отсутствие воспоминаний о Бейнберри Холл – еще одна причина, по которой я считаю эту книгу откровенной чушью. Венди Дэвенпорт была права, предполагая, что такой ужасный опыт оставил бы темный след в моей памяти. Думаю, я бы вспомнила, как меня тянула к потолку невидимая сила, как утверждает Книга. Я бы вспомнила, как меня душило что-то такое, что оставило отпечатки ладоней на моей шее.

Я бы запомнила мистера Тень.

То, что я этого не помню, значит только одно – ничего этого не было.

И все же Книга преследовала меня большую часть моей жизни. Я всегда была чокнутой девочкой, которая когда-то жила в доме с привидениями. В начальной школе я была изгоем, поэтому меня нужно было избегать любой ценой. В старших классах я все еще была изгоем, только к тому времени это уже стало чем-то крутым, из-за чего я стала самой «недобровольно» популярной девушкой в классе. Потом был колледж, где, как я надеялась, все изменится, словно разлука с родителями каким-то образом освободила бы меня от Книги. Вместо этого ко мне относились как к диковинке. Не то чтобы избегали, но либо дружили с настороженностью, либо изучали издалика.

Личная жизнь была полным отстоем. Большинство парней и близко ко мне не подходили. А почти все, кто подходил, были фанатами «Дома ужасов», которых больше интересовал Бейнберри Холл, чем я. Если потенциальный парень выказывал хоть каплю восторга по поводу встречи с моим отцом, я все понимала.

Теперь я отношусь к любому потенциальному другу или любовнику с большим скептицизмом. После того как слишком много ночевок было потрачено на то, чтобы мне всучили спиритическую доску, а «свидания» заканчивались на кладбище, где меня спрашивали, видела ли я призраков среди могил, я не могу не сомневаться в намерениях людей. Большинство моих друзей со мной уже очень давно. И по большей части они делают вид, что Книги не существует. И если кому-то из них правда интересно узнать о жизни моей семьи в Бейнберри Холл, они уже давно поняли, что спрашивать не стоит.

Все эти годы моя репутация все еще опережает меня, хотя я и не считаю себя знаменитостью. У меня дурная слава. Мне пишут незнакомцы, они называют

моего отца лжецом, или говорят, что будут молиться за меня, или ищут способы избавиться от призрака, который, как они уверены, заперт в их подвале. Иногда мне пишут из паранормальных подкастов или тех шоу, в которых якобы охотятся на призраков, и просят интервью. Недавно меня пригласили на конвенцию ужасов вместе с одним из ребят из дома Амитивилля. Я отказалась. Надеюсь, что тот из Амитивилля тоже.

И вот я здесь, втиснутая в скрипучее кресло в адвокатской конторе Бикон-Хилл, все еще не оправившаяся от эмоционального удара через несколько недель после смерти отца. Мое нынешнее настроение – раздражение на одну треть (спасибо, Венди Дэвенпорт) – и на две трети скорбь. На другом конце стола адвокат по недвижимости подробно рассказывает о том, как мой отец продолжает получать прибыль от Книги. Продажи шли довольно скромными темпами с ежегодным всплеском в течение нескольких недель до и после Хэллоуина. Голливуд продолжал звонить на полурегулярной основе, в последнее время предлагая, о чем мой отец так и не удосужился сказать мне, превратить Книгу в телесериал.

– Ваш отец с умом распоряжался деньгами, – говорит Артур Розенфельд.

От прошедшего времени в его речи на меня снова нахлынула волна грусти. Очередное напоминание о том, что папы действительно нет, он не просто уехал в длительную командировку. Горе – очень хитрая штука. Оно может затаиться на несколько часов, достаточно долго, чтобы включилось воображение. А потом, когда ты становишься мягким и уязвимым, оно набрасывается на тебя, как скелет из комнаты ужасов в парках аттракционов, и вся боль, которую ты уже начал забывать, с ревом возвращается. Вчера по радио крутили любимую группу моего отца. Сегодня мне сообщили, что, как единственная наследница, я получу примерно четыреста тысяч долларов.

В сумме нет ничего удивительного. Мой отец рассказал мне об этом за несколько недель до смерти. Неловкий, но необходимый разговор, еще более неприятный из-за того, что моя мама решила не брать свою долю прибыли от Книги, когда они развелись. Папа умолял ее передумать, уверял, что она заслуживает половину. Мама не соглашалась.

– Мне ничего этого не нужно, – срывалась она во время их споров на этот счет. – И никогда не было, с самого начала.

Так что мне досталось все. Деньги. Права на книгу. Позор. Как и мама, я задумалась, не лучше ли от всего этого отказаться.

- Также стоит обсудить вопрос дома, - говорит Артур Розенфельд.

- Какого дома? У папы была квартира.

- Бейнберри Холл, конечно же.

Удивление пронзает все мое тело. Мое кресло скрипит.

- Моему отцу принадлежал Бейнберри Холл?

- Так и есть, - отвечает адвокат.

- Он снова его купил? Когда?

Артур кладет руку на стол, сцепив пальцы.

- Насколько мне известно, он никогда его не продавал.

Я сижу неподвижно, застыв от шока, обдумывая всю информацию. Бейнберри Холл, место, которое якобы так напугало мою семью, что у нас не было выбора, кроме как уехать, был во владении моего отца в течение последних двадцати пяти лет.

Я предполагаю, что он либо не мог избавиться от него - возможно, учитывая репутацию дома - либо не хотел продавать его. Из чего может вытекать множество вещей, ни одна из которых не имеет смысла. Все, что я знаю наверняка, так это то, что папа никогда не говорил мне, что все еще владеет домом.

- Вы уверены? - спрашиваю я, надеясь, что Артур совершил какую-то ужасную ошибку.

– Абсолютно. Бейнберри Холл принадлежал вашему отцу. А это значит, что теперь он ваш. До последнего кирпичика, как говорится. Полагаю, мне следует отдать вам вот это.

Артур кладет на стол связку ключей и протягивает их мне. Их два, и оба вставлены в простой брелок для ключей.

– Один открывает переднюю калитку, а другой – входную дверь, – говорит он.

Я разглядываю ключи, не решаясь взять их в руки. Я не уверена, стоит ли мне принимать эту часть наследства. Меня воспитывали в страхе перед Бейнберри Холл по причинам, которые до сих пор мне неясны. Несмотря на то что я не верю официальной версии моего отца, мне не очень комфортно владеть этим местом.

Кроме того, остается вопрос о том, что сказал мне папа на смертном одре, когда демонстративно решил не говорить, что все еще владеет Бейнберри Холл. То, что он сказал, сейчас эхом отдается в памяти, заставляя меня дрожать.

Там небезопасно. Особенно для тебя.

Когда я наконец хватаю ключи, они кажутся горячими, будто Артур положил их на батарею. Я обхватываю их пальцами, их края впиваются в мою ладонь.

Вот тогда-то на меня обрушивается еще одна волна горя. На этот раз она окрашена разочарованием и недоверием.

Мой отец умер.

Он всю жизнь скрывал правду о Бейнберри Холл.

А теперь дом принадлежит мне. И это значит, что все его призраки, настоящие или воображаемые, тоже мои.

20 мая

Тур

Мы знали, во что ввязываемся. Утверждать обратное было бы откровенной ложью. Прежде чем мы решили купить Бейнберри Холл, нам рассказали его историю.

– Уж поверьте, у этой недвижимости есть прошлое, – сказала наша риэлторша, похожая на птичку женщина в черном костюме по имени Джейни Джун Джонс. – У дома огромная история.

Мы сидели в серебристом «кадиллаке» Джейни Джун, который она вела с такой агрессией, будто управляла танком. Все, что мы с Джесс и Мэгги могли сделать – это держаться и надеяться на лучшее.

– Хорошая или плохая? – сказал я, потянув за ремень безопасности, чтобы убедиться, что он надежно закреплен.

– Немного и того, и другого. Земля принадлежала Уильяму Гарсону. Он был лесничим. Богатейший человек в нашем городке. Именно он построил Бейнберри Холл в 1875-м.

– Бейнберри Холл. Какое странное название, – пискнула Джесс сзади, где она сидела, надежно обхватив руками нашу дочь.

– Да, пожалуй, – сказала Джейн Джун, повернув на дорогу из города в той же резкой манере, от которой «Кадиллак» постоянно качался из стороны в сторону. – Мистер Гарсон назвал его в честь растения[1 - Vaneberry (англ.) – воронец или волчья ягода, отсюда Бейнберри Холл.]. История гласит, что, когда он купил эту землю, весь склон был покрыт красными ягодами. Горожане говорили, что это выглядело, будто вся земля сочилась кровью.

Я взглянул на Джейни Джун со своего места на переднем сиденье, проверяя, действительно ли она видит дорогу через руль.

– А эти ягоды не ядовиты?

– Ядовиты. И красные, и белые.

– Значит, не лучшее место для ребенка, – сказал я, представив, как безумно любопытная и ужасно голодная Мэгги поедает красные ягоды, стоит нам только отвернуться.

– На протяжении многих лет там довольно счастливо жили дети, – сказала Джейни Джун. – Все семейство Гарсонов жило в этом доме до Великой депрессии – тогда они потеряли свои деньги, как и все остальные. Поместье купил какой-то голливудский продюсер, он использовал поместье как дом отдыха и приглашал туда своих друзей-кинозвезд. Кларк Гейбл был там. И Кэрл Ломбард тоже.

Джейни Джун свернула с главной дороги на гравий между двумя коттеджами, расположенными на краю внушительного Вермонтского леса. Миниатюрные и аккуратные, они были одинакового размера и формы. Дом слева был отделан желтым цветом с красными ставнями и синими занавесками на окнах. Тот, что справа, был темно-коричневым и более деревенским, его кедровая отделка сливалась с лесом.

– Эти тоже построил мистер Гарсон, – сообщила нам Джейни Джун. – Ими он занялся где-то через год, как построил главный дом. Один коттедж для домработницы Бейнберри Холл, а второй для смотрителя. Это все еще актуально, хотя теперь это их не единственное место работы, конечно. Но можете звонить им по необходимости, если возникнут трудности.

Она вела нас все глубже в лес сосен, кленов и величественных дубов, не сбавляя скорости до тех пор, пока впереди не показались ворота, перегораживающие дорогу. Увидев это, Джейни Джун ударила по тормозам. Всех в «Кадиллаке» резко бросило вперед.

– Вот и приехали, – объявила она.

Перед нами возвышались высокие и внушительные ворота. По бокам от них в лес тянулась огромная каменная стена. Джесс смотрела на все это с заднего сиденья с едва скрываемым беспокойством.

– Это чересчур, тебе не кажется? – сказала она. – Эта стена огибает все поместье?

– Да, – ответила Джейни Джун, дергая коробку передач. – Поверьте мне, вы будете благодарны, что она здесь.

– Почему?

Джейни Джун проигнорировала вопрос и вместо этого порылась в сумочке, в которой в конце концов нашла связку ключей. Повернувшись ко мне, она сказала:

– Не поможете старой леди, мистер Холт?

Мы вместе вышли из машины и открыли ворота, Джейни Джун занялась замком, пока я раскрывал створки, издающие громкий ржавый стон. Вскоре мы снова сели в машину, проехали через ворота и двинулись по длинной дороге, которая, словно штопор, вилась вверх по неожиданно крутому склону. Когда мы поднялись выше, я заметил словно бы проблески здания среди деревьев. Тут высокое окно. Там кусочек богато украшенной крыши.

Бейнберри Холл.

– После того как это место посещали кинозвезды, дом превратился в гостиницу, – сказала Джейни Джун. – Когда владельцы обанкротились спустя тридцать лет, их сменилось немало. Предыдущие прожили тут меньше года.

– Почему так мало? – спросил я.

Вопрос снова проигнорировали. Я бы добился у Джейни Джун ответа, если бы в этот момент мы не поднялись на вершину холма, откуда мне впервые открылся полный вид на Бейнберри Холл.

Трехэтажное здание, тяжелое и зловещее, стояло в центре холма. Дом был прекрасным. Каменный и величественный. От одного только вида перехватывало дыхание, и я с замиранием сердца смотрел на него сквозь испещренное букашками лобовое стекло «Кадиллака» Джейни Джун.

Это был большой дом. Гораздо больше, чем нам было нужно или, при нормальных обстоятельствах, и больше, чем мы могли себе позволить.

Последние десять лет я работал в журналах – сначала как фрилансер, пока зарплата была хорошей, потом как редактор в издательстве, которое закрылось после девятнадцати выпусков. Так что я вынужден был вернуться к фрилансу, хоть зарплата и была паршивой. С каждым днем Мэгги становилась все больше, а наша квартира, казалось, все меньше. Из-за этого мы с Джесс много спорили. В основном о деньгах.

И о будущем.

И о том, от кого больше наша дочь переняла плохие черты.

Нам нужно было пространство. Нам нужны были перемены.

Перемены прискакали галопом – в течение нескольких недель произошло два случая, изменивших нашу жизнь. Во-первых, умер дедушка Джесс – такой «старомодный» банкир, один из тех, кто курит сигары за столом и называет свою секретаршу «дорогуша» – и оставил ей 250 000 \$. А потом Джесс устроилась учительницей в частную школу неподалеку от Бартлби.

Наш план состоял в том, чтобы на деньги, которые оставил ей дедушка, купить дом. Потом она будет ходить на работу, а я буду дома заботиться о Мэгги и сосредоточусь на писательстве. Статья на заказ, конечно же, но также на коротких рассказах, и, если повезет, на моей версии «Великого американского романа».

Такой дом, как Бейнберри Холл – не совсем то, о чем мы думали. Мы с Джесс сошлись на том, что подыщем что-нибудь красивое, но недорогое. Чтобы за таким домом было нетрудно ухаживать. Такое место, с которым сможем сродниться.

Когда Джейни Джун предложила Бейнберри Холл, я сразу же отказался. Затем она назвала нам запрашиваемую цену, которая составляла половину оценочной стоимости поместья.

– Почему так дешево? – спросил тогда я.

– Дом нуждается в ремонте, – ответила Джейни Джун. – Но не то чтобы там все совсем плохо. За домом просто нужно ухаживать.

Вживую Бейнберри Холл казался не столько развалюхой, сколько брошенной жертвой. Сам дом выглядел прекрасно, хотя и несколько эксцентрично. Каждый этаж был немного меньше предыдущего, что придавало дому многоярусный вид причудливого свадебного торта. Окна на первом этаже были высокими, узкими и закругленными кверху. Из-за того, что второй этаж был меньше, окна там были менее высокими, но не менее величественными. На третьем этаже, с его резко скошенной крышей, окна уменьшались до такой степени, что напоминали пару глаз, смотрящих на нас сверху вниз.

Две трети дома были построены ровно, словно по линейке, с прямыми стенами и идеальными линиями. Другая треть отличалась настолько, что казалось, будто архитектор внезапно заскучал в середине процесса и решил развлечься. Вместо ровных линий этот угол дома украшала круглая башенка, больше всего напоминающая маяк, перенесенный с побережья штата Мэн и кое-как прикрепленный к фасаду. Окна там представляли собой аккуратные квадратики, расположенные несимметрично. Сверху его венчала остроконечная крыша, похожая на ведьмовской колпак.

И все же от дома веяло беспокойством. Тишина, казалось, окутывала это место, придавая ощущение, будто дом оставили внезапно. Атмосфера заброшенности облепила стены, как плющ.

– Почему вы сказали, что мы будем благодарны за эти ворота? – спросила Джесс, которая к тому времени уже наклонилась между двумя передними сиденьями, чтобы лучше видеть дом. – Здесь было много преступлений?

– Вовсе нет, – ответила Джейни Джун, и прозвучало это совсем неубедительно. – Тут полно всяких чудиков, вот и все. История дома притягивает любопытных, как мух. Кстати, не горожан. Они привыкли к этому месту. А вот люди из другого города – нет. Особенно подростки. Мы точно знаем, что время от времени они перепрыгивают через стену.

– И что они тут делают? – спросила Джесс.

– Типичные подростковые штучки. Тайком выпивают пару баночек пива в лесу. Может быть, всякие шуры-муры. Ничего криминального. И не о чем беспокоиться, клянусь. А теперь пойдете внутрь. Я гарантирую, вам там понравится.

Мы собрались на крыльце, пока Джейни Джун вынимала ключи из сейфа, висевшего у двери. Затем она глубоко вздохнула, ее мягкие плечи поднялись и опустились. Прежде чем открыть дверь, она перекрестилась.

Мы последовали за ней в дом. Переступив порог, я резко почувствовал перемену в воздухе, как будто мы внезапно перешли из одного климата в другой. В то время я списал это на сквозняк. Одна из тех странных, необъяснимых вещей, которые всегда происходят в старых домах.

Холод продержался недолго. Всего несколько шагов, которые мы прошли от аккуратного вестибюля до большой комнаты, тянущейся от передней части дома до задней. Потолок высотой не менее двадцати футов, поддерживаемый выступающими балками, напоминал мне вестибюль «Гранд-отеля». Столь же величественная лестница изящным изгибом поднималась на второй этаж.

Над нами с потолка свисала массивная медная люстра, свернутая по обеим сторонам, как щупальца осьминога, с которых капали кристаллы. На конце каждой стороны был закреплен шар из дымчатого стекла. Когда мы стояли под ним, я заметил, что люстра слегка покачивается, как будто кто-то топает по полу над ней.

– В доме есть кто-то еще? – спросил я.

– Конечно же нет, – ответила Джейни Джун. – С чего вы это взяли?

Я показал на витиеватую люстру над нашими головами, которая все еще мягко покачивалась.

Джейни Джун в ответ пожала плечами.

– Наверное, это из-за сквозняка, когда мы открыли входную дверь.

Уверенно положив руку на спину мне и Джесс, Джейни Джун повела нас дальше в большую комнату. Справа у стены возвышался массивный камин. Приятное дополнение во время жестоких вермонтских зим.

- По другую сторону стены есть такой же, - сказала Джейни Джун. - В Комнате Индиго.

Меня больше интересовал портрет над камином - человек в костюме начала прошлого века. Черты его лица были суровы. Узкий, заостренный нос. Скулы острые, как ножи. Темные глаза смотрели из-под тяжелых век и бровей, таких же белых и густых, как борода мужчины.

- Уильям Гарсон, - пояснила Джейни Джун. - Человек, который построил этот дом.

Я смотрел на картину, зачарованный тем, как художнику удалось изобразить мистера Гарсона в таких ярких деталях. Я заметил едва заметные морщинки вокруг его глаз, будто он улыбался, тонкие волоски на изогнутом лбу, легкую приподнятость уголков рта. Вместо почтенного джентельмена портрет изображал человека надменного, почти презрительного. Как будто мистер Гарсон смеялся над художником, позируя ему, что, в свою очередь, заставляло думать, что он смеется и надо мной.

Мэгги, которая держала меня за руку на протяжении всего тура, встала на цыпочки, чтобы получше рассмотреть портрет.

- Он страшный, - прошептала она.

Мне пришлось согласиться. Уильям Гарсон, по крайней мере через призму этого художника, походил на очень жестокого человека.

Рядом с нами Джесс изучала портрет, потирая рукой подбородок.

- Если мы купим дом, то этой картине конец.

- Не уверена, что это возможно, - вмешалась Джейни Джун, протягивая руку, чтобы коснуться нижнего угла рамы - единственного места, до которого она

могла дотянуться. – Она нарисована прямо на камне.

Я присмотрелся повнимательнее и убедился, что она права. Прямоугольная часть камина была построена из кирпича, а не из камня, что давало художнику более гладкую поверхность для работы.

– Так это фреска, – сказал я.

Джейни Джун кивнула.

– Рама просто для вида.

– А зачем это делать?

– Думаю, мистер Гарсон хотел навсегда остаться частью Бейнберри Холл. Он был, судя по всему, собственником. Полагаю, вы могли бы избавиться от портрета, но цена будет непомерно высокой.

– А вы думаете, это разрешено? – спросила Джесс. – Наверняка такой старый и важный для города дом был объявлен исторической достопримечательностью.

– Поверьте, – сказала Джейни Джун, – историческое сообщество никак не хочет связываться с этим домом.

– Почему? – спросил я.

– Это придется узнавать у них самих.

В задней части дома большая комната переходила в парадную столовую, предназначенную для семьи куда более многочисленной, чем мы трое. Затем шла кухня, куда вела лестница между столовой и большой комнатой. Кухня была гораздо больше в длину, чем в ширину, и располагалась на подуровне, который тянулся во всю ширину Бейнберри Холл. Не совсем в доме и не совсем в подвале. Ее декор отражал эту тревожную неопределенность. Ближе к лестнице она выглядела довольно элегантно, с высокими шкафами, зелеными стенами и раковиной – такой большой, что Мэгги могла бы принять там ванну.

На стене висели маленькие колокольчики, прикрепленные к металлическим завиткам. Всего я насчитал тридцать, расположенных в два ряда по пятнадцать штук. Над каждым из них висела табличка, указывающая на другую часть дома. Некоторые из них были просто цифрами, по-видимому, оставшимися еще с того времени, когда Бейнберри Холл был гостиницей. На других висели более высокие титулы. Кабинет. Хозяйская спальня. Комната Индиго.

– Эти колокольчики, наверное, не звонили уже несколько десятилетий, – сказала нам Джейни Джун.

В глубине кухни декор начал меняться, становясь более темным и утилитарным. Там стоял длинный разделочный стол, поверхность которого была изрезана лезвиями ножей и потемнела от старых пятен. Шкафы закончились, уступив место полосам голой стены. К тому времени, как мы достигли другой стороны, все следы кухни исчезли, сменившись каменной аркой и рядом шатких ступенек, ведущих дальше под землю.

– Словно пещера, – сказала Джесс.

– Технически это подвал, – ответила Джейни Джун. – Хотя он определенно немного старомодный, но вы могли бы превратить его в очень полезное пространство. Из него получился бы потрясающий винный погреб.

– Я не пью, – сказала Джесс.

– А я предпочитаю пиво, – добавил я.

Улыбка Джейни Джун стала шире.

– Хорошо, что из него можно сделать еще кучу всего полезного.

Ее радостное отчаяние подсказало мне, что это был не первый ее тур по Бейнберри Холл. Я представил, как молодые пары вроде нас с Джесс приезжают сюда с радостным ожиданием, которое темнеет с каждой новой комнатой.

У меня же было все наоборот. Каждая странность, которую я находил в доме, только усиливала мой интерес. Всю свою жизнь меня тянуло к эксцентричности.

Когда мне исполнилось шесть лет и родители наконец разрешили мне завести собаку, я обошел блестящих чистокровок в зоомагазине и направился напрямиком к неряшливой дворняжке. И после того, как я сидел взаперти в квартире, настолько невзрачной, что она с таким же успехом могла быть невидимой, я жаждал чего-то другого. Чего-то с характером.

Когда тур по кухне закончился, мы вернулись наверх и направились в переднюю часть дома, где теперь горела люстра прямо в большой комнате.

- Она же не горела раньше? - спросил я.

На лице Джейни Джун играла нервная улыбка.

- Видимо, горела.

- А я уверен, что нет, - настоял я. - В доме какие-то проблемы с электричеством?

- Не думаю, но я все проверю.

Бросив еще один тревожный взгляд на люстру, Джейни Джун быстро провела нас в комнату справа от вестибюля.

- Гостиная, - сказала она, когда мы вошли в круглую комнату. Внутри было душно, в прямом и переносном смысле. Выцветшая розовая бумага покрывала стены, а покрытые пылью чехлы висели над мебелью. Одна из скатертей упала, открыв взору высокий стол из вишневого дерева.

Джесс, отец которой торговал антиквариатом, поспешила к столу.

- Ему же как минимум сто лет.

- Наверное, больше, - заметила Джейни Джун. - Большинство мебели принадлежало еще семье Гарсонов. Она все эти года оставалась в доме. И сейчас самое время сообщить вам, что Бейнберри Холл продается в таком виде. Включая мебель. Можете сохранить то, что хотите, и избавиться от остального.

Джесс задумчиво поглаживала поверхность стола.

- Продавцу вообще ничего не нужно?

- Ни стула, - ответила Джейни Джун, грустно покачивая головой. - Не могу сказать, что виню ее.

Затем она провела нас в так называемую Комнату Индиго, которая была на самом деле покрашена в зеленый.

- Сюрприз, я знаю, - сказала она. - Может, стены когда-то и были синими, но я сомневаюсь. Комнату назвали в честь дочки Уильяма Гарсона, а не цвета.

Джейни Джун указала на камин, который по размерам и размаху соответствовал камину в большой комнате. Над ним, тоже нарисованный на гладком кирпичном прямоугольнике, висел портрет молодой женщины в кружевном пурпурном платье. На ее коленях сидел белый кролик, которого она обхватила руками в перчатках.

- Индиго Гарсон, - сказала Джейни Джун.

Картина явно была написана тем же художником, что писал портрет Уильяма Гарсона. У обоих были одинаковые стили - изящные мазки, кропотливое внимание к деталям. Но если мистер Гарсон казался надменным и жестоким, то портрет его дочери был воплощением красоты молодости. Сплошные нежные изгибы и светящаяся кожа. Сияющая до такой степени, что едва заметный ореол окружал ее корону из золотых кудрей. Я бы не удивился, если бы узнал, что художник, кем бы он ни был, влюбился в Индиго, когда писал ее.

- У Гарсонов была большая семья, - продолжила Джейни Джун. - Жена Уильяма родила четверых сыновей, у которых тоже потом были большие семьи. Индиго была единственной их дочерью. Ей было шестнадцать, когда она умерла.

Я сделал шаг ближе к картине, мой взгляд остановился на кролике в руках Индиго Гарсон. Краска там была слегка облуплена - пустое пятно прямо над левым глазом кролика, что делало его похожим на пустую глазницу.

- Как она умерла? - спросил я.

– Я точно не знаю, – ответила Джейни Джун таким тоном, из-за которого я подумал, что она врет.

Совершенно не заинтересованная в еще одной картине, которую нельзя убрать, Джесс пересекла комнату, очарованная другим изображением – фотографией в рамке, которая торчала из-под скомканной ткани. Она подняла ее, рассматривая фотографию семьи, стоящей перед Бейнберри Холл. Как и нас, их было трое. Отец, мать, дочь.

Девочка выглядела лет на шесть и была точной копией своей матери. Помогало и то, что у обеих была одинаковая прическа – длинные волосы с повязками на голове – и одинаковые белые платья. Они стояли бок о бок, взявшись за руки, и смотрели в камеру с ясными, открытыми лицами.

Отец держался от них на расстоянии, как будто ему было приказано не подходить слишком близко. На нем был помятый костюм, на несколько размеров больше, чем нужно, а на лице застыло хмурое выражение.

Если отбросить неприятное выражение лица, он был бесспорно красивым. Красавец-кинозвезда, из-за чего я подумал, что эти люди были посетителями Бейнберри Холл еще с голливудских лет. Потом я заметил, как современно они выглядят в одежде, которую можно было бы увидеть на улицах любого американского города. Единственное, что в них было старомодным, так это очки на женщине – из-за круглой оправы она немного походила на Бена Франклина.

– Кто это? – спросила Джесс.

Джейни Джун, прищурившись, посмотрела на фотографию, снова пытаюсь сделать вид, что ничего не знает, хотя было ясно, что это не так. После нескольких секунд изучающего прищуривания, она сказала:

– Думаю, что это предыдущие владельцы. Карверы.

Она кивнула в сторону фотографии, показывая Джесс, чтобы та положила ее на место. Мы продолжили тур, и я подумал, что Джейни Джун не хочет, чтобы мы продолжали ее расспрашивать. Нам быстро показали музыкальную комнату, где стоял рояль с шаткой ножкой, и оранжерею, усеянную растениями в различных стадиях гниения.

– Надеюсь, кто-нибудь из вас любит сажать цветы, – беззаботно бросила Джейни Джун.

Она повела нас вверх по скромной лестнице для прислуги между столовой и оранжереей. На втором этаже располагались несколько спален и просторная ванная комната в конце коридора.

Джесс, которая годами жаловалась на нехватку места в нашей квартире в Берлингтоне, задержалась в главной спальне, занимавшей второй этаж башни, где одновременно прилагались и гостиная, и примыкающая к ней ванная.

Меня же больше привлекло место в другом конце коридора. Спальня с наклонным потолком и высоким шкафом казалась идеальной для Мэгги. Наверное, именно кровать с балдахином навела меня на эту мысль. Она была как раз подходящего размера для девочки ее возраста.

– Этот шкаф – единственный в своем роде, – сказала Джейни Джун. – Уильям Гарсон специально сделал его в подарок своей дочери. Это была ее спальня.

Джесс осмотрела его оценивающим взглядом, который унаследовала от отца.

– Это все ручная резьба? – спросила она, проводя рукой по херувимам и плющу, которые взбирались по углам шкафа.

– Разумеется, – ответила Джейни Джун. – Раритет, который наверняка очень дорогой.

Мэгги встала в дверном проеме, заглядывая внутрь.

– Это может стать твоей комнатой, Мэгз, – сказал я ей. – Как она тебе?

Мэгги помотала головой.

– Мне она не нравится.

– Почему?

- Она холодная.

Я поднял руку, пытаюсь почувствовать холод. Температура в комнате казалась мне вполне нормальной. Даже, я бы сказал, теплее обычного.

- Уверен, ты ее полюбишь, - сказал я.

Третий этаж, куда нас отвела Джейни Джун, был вдвое меньше второго. Вместо мансарды мы вошли в просторный кабинет со встроенными книжными полками, занимавшими две стены, и двумя парами круглых окон, выходивших на фасад и заднюю часть поместья. Я понял, что это были те самые крошечные окна, которые я видел, когда мы только приехали. Те самые, напоминающие глаза.

- Изначально тут был кабинет Уильяма Гарсона, - сказала Джейни Джун.

А теперь он может стать моим. Я представил себя за большим дубовым столом в центре комнаты. Мне нравилась идея играть в измученного писателя, стучащего на своей пишущей машинке в предрассветные часы ночи, подпитываемого кофе, вдохновением и стрессом. Размышления об этом вызвали улыбку на моем лице. Я придержал ее, опасаясь, что Джейни Джун заметит и подумает, что мы уже у нее в кармане. Я и так уже опасался, что проявил излишнее волнение - отсюда и ускоряющийся темп тура.

Чувства моей жены определить было сложнее. Я понятия не имел, что Джесс думала об этом месте. На протяжении всей экскурсии она казалась любопытной, хотя и настороженной.

- Тут неплохо, - прошептала Джесс, когда мы спускались со второго этажа.

- Неплохо? - переспросил я. - Тут идеально.

- Я признаю, что его много за что можно полюбить, - сказала Джесс в своей обычной сдержанной манере. - Но это старый дом. И огромный.

- Меня больше напрягает цена, чем размер.

- Думаешь, слишком дорого?

- Думаю, слишком дешево, - сказал я. - Такое-то место? Должна быть причина, по которой он так мало стоит, да еще и с мебелью.

Так и было, и об этом мы узнали только под конец тура, когда Джейни Джун вела нас обратно на крыльцо.

- У вас есть вопросы? - спросила она.

- С этим домом что-то не так?

Я выпалил это без всякой преамбулы, из-за чего Джейни Джун выглядела слегка пораженной.

Напрягая плечи, она сказала:

- Почему вы так подумали?

- Ни один дом таких размеров не может так мало стоить, только если у него нет каких-то крупных проблем.

- Проблем? Нет. Репутации? Это другая история, - Джейни Джун вздохнула и облокотилась на перила на крыльце. - Я буду с вами откровенной, хотя закон штата не требует от меня ничего говорить. Я говорю вам это потому, что, давайте посмотрим правде в глаза, Бартлби - маленький город, и люди сплетничают. Вы услышите об этом так или иначе, если купите это место. С тем же успехом правда может исходить и от меня. Этот дом - то, что мы называем «стигматизированной собственностью».

- И что это значит? - спросила Джесс.

- Что здесь случилось что-то плохое, - сказал я.

Джейни Джун медленно кивнула.

- С предыдущими владельцами, да.

- С теми, что на фото? - спросила Джесс. - Что случилось?

- Они умерли. Двое из них.

- В доме?

- Да, - ответила Джейни Джун.

Я попросил Мэгги пойти поиграть на лужайке - чтобы она была на глазах, но вне зоны слышимости, а потом спросил:

- Как?

- Убийство-самоубийство.

- Господи боже, - сказала Джесс, ее лицо побелело. - Это ужасно.

Это вызвало еще один кивок Джейни Джун.

- Это действительно было ужасно, миссис Холт. И это шокирующе. Кертис Карвер, человек с фотографии, которую вы нашли, убил свою дочь, а потом и себя. Его бедная жена нашла их обоих. С тех пор она не возвращалась.

Я думал о семье на фотографии. Какой счастливой и невинной выглядела маленькая девочка. Потом я вспомнил отца, стоявшего поодаль с хмурым выражением на лице.

- У него были проблемы с психикой? - спросил я.

- Очевидно, - ответила Джейни Джун. - Хотя внешне это не проявлялось. Никто этого не видел, если вы об этом спрашиваете. С виду семья выглядела самой счастливой. Кертиса очень любили и уважали. То же самое с Мартой Карвер, которая владеет пекарней в центре города. А маленькая девочка была просто прелестной. Кэти. Так ее звали. Маленькая Кэти Карвер. Мы все были потрясены,

когда это случилось.

– Бедная миссис Карвер, – сказала Джесс. – Не могу представить, что ей пришлось пережить.

Я уверен, что она имела в виду каждое слово. Джесс была ужасно сердобольной, особенно когда дело касалось других женщин. Но я также почувствовал облегчение в ее голосе. Она была до глубины души уверена, что никогда не испытает такого ужаса, как потеря мужа и дочери в один и тот же день.

Но вот чего она не знала – и не могла пока что знать – так это того, насколько близка она будет к тому, чтобы точно такой сценарий повторился и с ней. Но в тот майский день единственное, о чем мы думали – это как найти идеальный дом для нашей семьи. Когда Джейни Джун повела Мэгги прогуляться по саду, чтобы мы с Джесс могли посоветоваться на веранде, я сразу же сказал ей, что мы должны купить это место.

– Не смешно, – сказала она, иронически хмыкнув.

– Я серьезно.

– После того, как узнал такое? Тут умерли люди, Юэн.

– Люди умирали во многих местах.

– Я это прекрасно знаю. Но я бы предпочла, чтобы наш дом не был одним из таких мест.

Ну, в случае с Бейнберри Холл это был не вариант. Его история оставалась историей, и мы не имели над ней никакого контроля. Одно из двух – искать в другом месте или попытаться сделать его таким счастливым, чтобы все плохие времена в его прошлом больше не имели значения.

– Давай рассуждать здраво, – сказал я. – Я влюбился в этот дом. И ты тоже.

Джесс меня остановила поднятым пальцем.

- Я сказала, что его можно полюбить. Но не утверждала, что я это испытываю.

- Хотя бы признай, что это чудесный дом.

- Признаю, - сказала она. - И при любых других обстоятельствах я бы уже сказала Джейни Джун, что мы его покупаем. Я просто боюсь, что если мы будем жить здесь, то случившееся всегда будет висеть над нами. Я знаю, звучит суеверно, но я боюсь, что это каким-то образом просочится в нашу жизнь.

Я обнял ее за плечи и притянул к себе.

- Этого не случится.

- Откуда тебе знать?

- Потому что мы не позволим. Тот человек - этот Кертис Карвер - был нездоров. Только больной мог бы сделать то, что сделал он. Но мы не можем позволить действиям спятившего человека лишить нас дома нашей мечты.

Джесс ничего не ответила. Она просто обняла меня за талию и положила голову мне на грудь. В конце концов она спросила:

- Ты просто не примешь от меня отказа, так ведь?

- Могу только сказать: я знаю, что все остальные дома, которые мы будем смотреть, будут бледнеть в сравнении с этим.

От этого Джесс вздохнула.

- Ты уверен, что правда так его хочешь?

Да. Мы годами жили в маленькой квартирке. Я не мог отделаться от мысли, что начать все заново в таком большом и эксцентричном доме, как Бейнберри Холл - это именно то, что нам было нужно.

- Я уверен.

– Тогда, видимо, мы его покупаем, – сказала она.

На моем лице расплылась улыбка – такая широкая, что я сам удивился, как такое возможно.

– Видимо, да.

Через минуту мы уже были у машины Джейни Джун, и у меня от радости кружилась голова, когда я сказал:

– Мы его берем!

Глава вторая

Я вышла из кабинета Артура Розенфельда в полной прострации, ноги тряслись, пока я шла по кирпичному тротуару к ресторану, где меня ждала мама. Несмотря на то что это был прекрасный майский день, на моей коже выступал холодный пот.

Хотя я и ожидала, что во время сегодняшней встречи меня захлестнет волна эмоций – гнев, чувство вины, куча сожалений – тревога в планы не входила. Тем не менее густой, заставляющий учащенно биться сердце страх из-за владения Бейнберри Холлом – моя главная эмоция в данный момент. Если бы во мне была хоть капля суеверия, то я бы беспокоилась о призраках, проклятиях и о том, какие опасности могут таиться в этих стенах. Но так как я человек логики, меня мучает другая мысль. И нервов от нее еще больше, чем от сверхъестественного.

Что, собственно, мне делать с этим местом?

Кроме того, что написано в книге, я ничего не знаю о Бейнберри Холл. Ни его состояние. Ни кто там жил в последние двадцать пять лет. Я даже не знаю, сколько он стоит, и теперь я корила себя за то, что была слишком шокирована, чтобы расспросить Артура.

Мой телефон чирикает в кармане как раз в тот момент, когда я сворачиваю за угол на Бикон-стрит. Я проверяю его, в тайне надеясь, что это мама отменила нашу встречу в последнюю минуту. Нет, не повезло. Вместо этого я вижу сообщение от Элли с последними новостями о дуплексе в «Телеграф-Хилл», который мы реконструируем. Дуплекс означает двойную работу, двойную стоимость и двойную головную боль. А еще это значит двойную зарплату, поэтому мы и согласились там работать.

«Нужна плитка в обеих ваннах. Дальше будем ставить ванны на ножках».

«Могу помочь», – пишу я, надеясь на уважительную причину, чтобы отменить встречу.

Элли отвечает, что справится и без меня. Еще одно разочарование.

«Как все прошло?» – пишет она.

«Странно, – пишу я ответ, понимая, что все утренние события в сообщении не опишешь. – Расскажу все после обеда».

«Скажи Джессике, что я все еще согласна на удочерение», – прибавила Элли с подмигивающим смайликом. Одна из наших вечных шуток, что моя мама была бы счастливее, если бы Элли, с ее вечно чистейшими инструментами и улыбкой на сто киловатт, была ее дочерью.

Было бы смешнее, если бы это не было правдой.

Я кладу телефон в карман и иду в ресторан – первоклассное место с окнами в пол, из которых открывается вид на Бостон-Коммон. Я вижу в окне, что мама уже заняла крайний столик. Пунктуальна, как всегда. А я вот опаздываю уже на пять минут. Я знаю наверняка, что моя мать обязательно упомянет об этом, поэтому мнусь у входа, наблюдая, как она делает глоток мартини, смотрит на часы, затем снова делает глоток.

Хотя она родилась и выросла в Бостоне, но, прожив в Палм-Спрингсе уже десять лет, теперь она тут смотрится иностранкой. Когда я была маленькой, у нее был более непринужденный стиль – землистые тона, струящиеся платья, вязаные

свитера. Сегодня ее наряд можно охарактеризовать только как «кинозвезда в летах». Белые Капри. Блузка от Лилли Пулитцер. Белокурые волосы, собранные в строгий конский хвост. Завершают образ большие солнцезащитные очки, скрывающие треть лица. Она редко снимает их, поэтому ее эмоции можно определить только по накрашенным коралловой помадой губам. Сейчас, когда я вхожу в ресторан и направляюсь к столику, она неодобрительно хмурится.

– Я почти сделала заказ без тебя, – говорит она, тон такой отточенный, будто она уже отрепетировала эту фразу.

Я оглядываю полупустой бокал с мартини.

– Похоже, ты уже заказала.

– Не ной. Я заказала тебе джин-тоник, – она опускает свои очки, чтобы получше разглядеть мой наряд. – Ты в этом встречалась с Артуром?

– Я была на работе. И у меня не было времени переодеться.

Мама пожимает плечами – ее не убедило мое оправдание.

– Вежливо было бы приодеться.

– Это же просто встреча, – говорю я. – А не поминки.

Они были месяц назад, в похоронном бюро, всего в нескольких кварталах от того места, где мы сейчас сидим. Народу было немного. В последние годы жизни папа стал кем-то вроде отшельника – отрезал себя почти от всех. И несмотря на то, что они были в разводе уже двадцать два года – и также потому, что папа так и не женился – мама послушно сидела со мной в первом ряду. Сзади нас были Элли и мой отчим – добрый, но скучный застройщик по имени Карл.

Мама вернулась на выходные, чтобы, по ее словам, эмоционально меня поддерживать. Это означает джин-тоник, причем такой, где джин преобладает. Когда мне его приносят, от первого глотка у меня кружится голова. Но дело свое коктейль выполнил. Ударная доза джина и шипение тоника – бальзам после сегодняшних сюрпризов.

– Так как все прошло? – спрашивает мама. – Последний раз, когда я говорила с твоим отцом, он сказал мне, что все оставит тебе.

– Так он и сделал, – я наклоняюсь вперед с обвинительным взглядом. – Включая Бейнберри Холл.

– А? – протягивает моя мама, с ужасным успехом пародируя удивление. Она пытается сгладить это, подняв мартини к губам и делая громкий глоток.

– Почему папа не сказал мне, что все еще им владеет? Раз уж на то пошло, почему ты не сказала?

– Я не считала, что должна, – говорит моя мама, как будто это хоть когда-то ее останавливало. – Это был дом твоего отца, а не мой.

– Однажды он принадлежал вам обоим. Почему вы его потом не продали?

Мама уклоняется от ответа, задавая встречный вопрос.

– Ты спишь?

На самом деле она спрашивает, не мучают ли меня кошмары, от которых я не могу избавиться с детства. Ужасные сны о темных фигурах, наблюдающих за мной во сне, сидящих на краю моей кровати, прикасающихся к моей спине. Все мое детство состояло из ночей, когда я просыпалась, задыхаясь или крича. Это была еще одна игра, в которую любили играть эти будущие стервы во время школьных ночевок: смотреть, как Мэгги кричит во сне.

Хотя ночные кошмары мучают меня не так часто с тех пор, как я стала подростком, но до конца они так и не ушли. Мне все еще снится подобное примерно раз в неделю, чем я и заслужила пожизненный рецепт на Валиум.

– В основном, – отвечаю я, решив не упоминать о вчерашней ночи, когда длинная темная рука высунулась из-под кровати и схватила меня за лодыжку.

Доктор Харрис, мой бывший психотерапевт, сказал, что эти сны вызваны неразрешенными чувствами к Книге. Именно по этой причине я и перестала

ходить к врачу. Мне не нужно два сеанса в месяц, чтобы понять очевидное.

Мать приписывает ночным кошмарам другую причину, о которой она говорит каждый раз, когда мы видимся, в том числе и сейчас.

- Это стресс, - говорит она. - Ты выматываешь себя на работе.

- Мне так больше нравится.

- Ты с кем-то встречаешься?

- С дуплексом, который мы восстанавливаем, - говорю я. - Это считается?

- Ты слишком молода, чтобы так много работать. Я переживаю за вас, девочки.

Я не могу не заметить, что мама свалила нас с Элли в одну кучу, как будто мы сестры, а не коллегии бизнес партнеры. Я проектирую. Элли строит. Вдвоем мы перепродали четыре дома и восстановили три.

- Мы начинаем бизнес, - сообщаю я маме. - Это просто так не...

Я останавливаю себя, понимая, что сделала именно то, что задумала мама - совсем свернула с темы. Я делаю порядочный глоток джин-тоника, частично из-за раздражения - как на маму, так и на себя - и частично из-за того, что мне предстоит.

Вопросы.

Очень много.

Те, которые мама не захочет слышать и попытается увильнуть от ответа. Я ей этого не позволю. Не в этот раз.

- Мам, - говорю я, - почему мы на самом деле уехали из Бейнберри Холл?

- Ты же знаешь, что мы это не обсуждаем.

В ее голосе слышится предостережение. В последний раз я слышала этот тон, когда мне было тринадцать и я проходила через ряд этапов, специально предназначенных для проверки терпения моей матери. Фаза нелепого макияжа. Саркастическая фаза. Фаза постоянной лжи, в течение которой я три месяца рассказывала серию возмутительных басен в надежде на то, что мои родители расколются и в конце концов признают, что они тоже лгали.

В тот день моя мать узнала, что я прогуляла школу, чтобы весь день бродить по музею изобразительных искусств. Я отпросилась с уроков, сказав школьному секретарю, что заразилась кишечной палочкой из-за испорченного салата. Мама, очевидно, была в ярости.

– У вас серьезные проблемы, юная леди, – сказала она по дороге домой после разговора с директором. – Ты под домашним арестом на месяц.

Я в шоке повернулась к ней со своего сиденья.

– На месяц?

– И если ты еще раз выкинешь подобное, то будет шесть месяцев. Ты не можешь продолжать так врать.

– Но вы с папой врите все время, – сказала я, разозленная такой несправедливостью. – Вы вообще на этом карьере сделали. Болтаете об этой тупой Книге при любом удобном случае.

От упоминания Книги мама вздрогнула.

– Ты же знаешь, что я не люблю это обсуждать.

– Почему?

– Потому что это – другое.

– Каким образом? Как это отличается от того, что я делаю? Моя ложь хотя бы никому не вредит.

Щеки мамы заалели от злости.

- Потому что не рассказывала все это, просто чтобы позлить родителей. Моей единственной целью не было стать лживой сучкой.

- Ну да, рыбак рыбака, - ответила я.

Правая рука мамы пролетела от руля и ударила меня по левой щеке - такой внезапный и болезненный удар, что у меня вышибло весь воздух из легких.

- Никогда больше не называй меня лгуньей, - сказала она. - И никогда, ни при каких обстоятельствах не спрашивай меня про эту книгу. Тебе ясно?

Я кивнула, прижав ладонь к щеке, кожа там была горячее солнечного ожога. Это был единственный раз, когда меня ударил кто-то из родителей. По крайней мере на моей памяти. Наверное, потому что это оставило след. На два дня синяк от пощечины затмил мой шрам. До сегодняшнего дня я никогда больше не упоминала при ней о Книге.

Мысль о том дне всегда вызывает у меня фантомные боли. Я прикладываю стакан с джин-тоником к щеке и говорю:

- Нам нужно начать говорить об этом, мама.

- Ты читала книгу, - говорит мама. - Ты знаешь, что случилось.

- Я спрашиваю не про папино воображение. Я спрашиваю про правду.

Мама допивает оставшееся мартини.

- Если ты хотела узнать, то надо было спросить твоего отца, когда еще была возможность.

Ох, я спрашивала. Много раз. Поскольку отец никогда не бил меня наотмашь, я продолжала пытаться заставить его признать правду о Бейнберри Холл. Мне нравилось задавать ему вопросы, когда он отвлекался, надеясь, что он ошибется и ответит мне честно. За завтраком, когда он клал на мою тарелку французские

тосты. В кино, когда только-только выключали свет. Однажды я попробовала спросить, когда мы были на игре одной из мировых серий, и Дэвид Ортис делал хоумран и со свистом несся к нашему углу внешнего поля.

Каждый раз я получала одинаковый ответ.

– Что было, то было, Мэгз. Я бы не стал врать о чем-то подобном.

Но он врал. Публично. На национальном канале.

Хотя я безоговорочно любила своего отца, это не мешало мне считать его самым бесчестным человеком, которого я когда-либо знала. В подростковом возрасте это было тяжело принять. Это все еще тяжело и во взрослой жизни.

В конце концов я перестала спрашивать о Книге. Годам к двадцати я вообще перестала задавать вопросы. Больше десяти лет все оставалось невысказанным. Так было проще. К тому времени я уже поняла, что напряженное молчание для моей семьи по каким-то причинам комфортнее, чем возможность обсудить очевидную проблему.

Я попробовала снова за две недели до собственного тридцатилетия. И только потому, что знала – это мой последний шанс получить хоть какой-то ответ.

Мы знали, что отец долго не протянет – знали так давно, что я уже представляла себе этот момент. Была уверена, что он будет таким же, как наши бурные отношения – темные тучи в небе и трещины молний. И все же его последний вдох выдался на ясный апрельский день, когда солнце поднялось высоко в безупречно голубом небе, и его желтое сияние напоминало цветки форзиции за окном хосписа.

В последние часы жизни отца я почти не разговаривала. Не знала, что сказать, и сомневалась, что отец поймет меня, даже если я заговорю. Он едва ли пришел в себя в последние часы и уж точно не был в сознании, когда капельница с морфием погрузила его в сонное оцепенение. Единственный момент ясности наступил для него менее чем за час до смерти – перемена настолько неожиданная, что я подумала, не уснула ли сама.

– Мэгги, – сказал он, поднимая на меня неожиданно ясный взгляд, не обремененный смятением и болью. – Обещай мне, что никогда не вернешься туда. Никогда-никогда.

Мне не надо было спрашивать, о чем он говорил. Я и так знала.

– Почему?

– Там... там небезопасно. Особенно для тебя.

Папа поморщился из-за боли, давая понять, что совсем скоро он снова провалиться в забытие, скорее всего навсегда.

– Я туда не вернусь. Обещаю.

Я сказала это быстро, беспокоясь, что уже слишком поздно и что моего папы больше нет. Но он все еще был со мной. Он даже сумел выдавить из себя слабую от боли улыбку и сказал:

– Вот и умничка.

Я положила руку на его ладонь, удивляясь, какая она маленькая. В детстве его руки казались такими большими и сильными. Теперь же были не больше моих.

– Пора, пап, – сказала я. – Ты уже достаточно молчал. Ты можешь мне сказать, почему мы на самом деле уехали. Я знаю, что все это неправда. Я знаю, что ты все выдумал. Про дом. Про то, что там случилось. Ты можешь это признать. Я не стану тебя винить. И осуждать тоже. Мне просто нужно знать, почему мы это сделали.

Я начала плакать, эмоции переполняли. Мой папа ускользал от меня, и я уже по нему скучала, хотя он был прямо здесь, и я вот-вот могу узнать правду – все мое тело звенело, как струна.

– Скажи мне, – прошептала я. – Пожалуйста.

У отца отвисла челюсть, и два слова вырвались из его затрудненного дыхания. Он выталкивал их одно за другим, и каждое звучало как шипение в тишине комнаты.

- Прости. Меня.

После этого из моего папы ушел весь свет. И хотя технически он оставался жив еще пятьдесят минут, именно этот момент я считаю его смертью. Он был в царстве теней – на земле, из которой точно уже не вернется.

В последующие дни я особо не заикливалась на этом разговоре.

Я была слишком ошеломлена горем, слишком поглощена приготовлениями к похоронам, чтобы думать об этом. Только после того, как это тяжелое испытание закончилось, до меня дошло, что он так и не дал мне правильного ответа.

- Спрашивать папу я больше не могу, – говорю я маме. – У меня осталась только ты. И пора нам об этом поговорить.

- Не вижу причины, – мама смотрит мне за плечо, отчаянно выискивая официанта, чтобы заказать еще выпить. – Это все давно в прошлом.

В моей груди пузырится раздражение. Оно росло с той самой ночи, когда мы покинули Бейнберри Холл, и с каждым днем раздувалось все больше. Из-за их развода, который, я уверена, был вызван успехом Книги. Из-за каждого вопроса, от которого уклонялся папа. Из-за безжалостных насмешек одноклассников. Из-за каждой неловкой встречи с кем-то вроде Венди Дэвенпорт. В течение двадцати пяти лет оно не ослабевало, а становилось все больше и больше, почти лопаюсь.

- Это наши жизни, – говорю я. – Моя жизнь. Меня воспринимали через эту книгу с пяти лет. Люди ее читали и думали, что знают меня, хотя все это ложь. Их восприятие меня – ложь. И я никогда не знала, как с этим справляться, потому что вы с папой никогда не хотели говорить о Книге. Но я тебя умоляю, пожалуйста, расскажи об этом.

Я выпила оставшийся джин-тоник, держа бокал двумя руками, потому что они начали трястись. Когда мимо проходит официант, я тоже заказываю еще.

– Я даже не знаю, с чего начать, – говорит мама.

– Можешь начать с последних слов папы. «Прости меня». Вот, что он сказал, мам. И мне нужно знать почему.

– Откуда ты вообще знаешь, что он говорил о Книге?

Оттуда. Я в этом уверена. Последний разговор казался мне признанием. И теперь единственный человек, который знает, в чем он признавался, сидит прямо передо мной, нервно ожидая очередной шот водки.

– Скажи, что он имел в виду, – говорю я.

Мама снимает очки, ее взгляд светится мягкостью, той, которую так редко вижу теперь. Думаю, это потому, что ей меня жалко. И еще я думаю, это значит, что я вот-вот узнаю правду.

– Твой папа был очень хорошим писателем, – говорит она. – Но у него были свои трудности. Отсутствие вдохновения. И неуверенность в себе. У него было много разочарований, прежде чем мы переехали в Бейнберри Холл. Это была одна из причин, по которой мы его купили. Чтобы начать все заново на новом месте. Он думал, что оно вдохновит его. И какое-то время все так и было. Этот дом со всеми его проблемами и причудами был сокровищницей новых идей для твоего отца. Ему пришла в голову идея написать книгу о доме с привидениями. Роман.

– Но папа писал нон-фикшн, – говорю я, думая о журнальных обложках, которые висели в его квартире в гордой рамке. «Эсквайр». «Роллинг Стоун». «Нью-Йоркер». В пору своего расцвета он внес свой вклад во все эти журналы.

– За это он был известен, да. И только этого от него и хотели редакции. Факты, а не вымысел. Правду, а не ложь.

Я четко поняла, куда ведет эта история. Раз мой папа не мог заключить сделку на обычный роман, он решил пойти по другому пути. Он заставил их поверить,

что все правда.

– Твой папа понял, что для этого мы должны выстроить все правдоподобно. А это значит, надо было уехать из Бейнберри Холл и сказать полиции, почему мы уехали, – мама робко замялась. – Я знаю, что сейчас все это звучит так нелепо. Но мы чувствовали, что все может получиться, если быть осторожными. Я согласилась на это, потому что... ну, потому что любила твоего отца. И верила в него. И, если уж начистоту, я ненавидела этот дом.

– То есть вообще все было выдумкой?

– Нет, какая-то правда есть. История Бейнберри. И все про семью Карверов. И про потолок на кухне, к сожалению. Хотя это все было вызвано лопнувшей трубой, а не... ну, сама понимаешь. А что касается призраков, которых, по словам твоего папы, ты видела, то это были всего лишь твои кошмары.

– У меня были проблемы со сном даже тогда?

– Там-то все и началось, – говорит мама. – Твой папа брал вдохновение из всего подряд, хотя в результате почти все оказалось вымышленным.

Я была права – Книга была ложью. Не вся. Но важные ее части. Те, что описывают нас.

И мистера Тень.

Я всегда думала, что если мне когда-нибудь скажут правду, то гора свалится с моих плеч. Не похоже. Все облегчение, которое я могла бы испытать, притупилось разочарованием из-за всей этой бесполезной скрытности. Когда я была ребенком, для одних Книга сделала меня объектом любопытства, а для других изгоем. Если бы мне сказали правду, то это, возможно, ничего бы и не изменило, но я чертовски уверена, что смогла бы справиться со всем лучше. Осознание того, что некоторой из этой растущей боли можно было избежать, терзало и выгрызало мое сердце.

– Почему вы мне не сказали?

– Мы хотели, – говорит мама со вздохом. – Когда время придет. Так мы всегда говорили. «Когда придет время, мы скажем Мэгги правду». Но время все как-то не приходило. Особенно после того, как книга стала намного успешнее, чем мы когда-либо предполагали.

– Вы переживали, что я кому-нибудь расскажу?

– Мы переживали, что ты в нас разочаруешься, – говорит она. – Особенно твой папа.

Она полагает, что я и так не разочаровалась годами лжи и всего того, что осталось невысказанным? А так и есть. Мало что в жизни может разочаровать сильнее, чем осознание того, что твои родители тебе врут.

– Все это неважно, – мой голос срывается, и я понимаю, что сдерживаю слезы. – Вы должны были мне сказать.

– Все, что у тебя есть, принесла эта Книга, – говорит мама. – Она обеспечила нам еду и одежду. «Дом ужасов» оплатил все твое образование. Не говоря уже о наследстве, которое ты только что получила. Мы не знали, как ты отреагируешь, если узнаешь, что все это из-за лжи.

– Поэтому вы с папой развелись?

Еще одна вещь, о которой мы не говорим. Когда они расстались, единственное, что родители сказали восьмилетней мне, так это то, что теперь я буду жить в двух квартирах вместо одной. Они не стали упоминать, что мама будет в одной квартире, а папа – в другой, и никогда больше не станут жить под одной крышей. Мне потребовались недели, чтобы самой это понять. И мне потребовались годы, чтобы перестать думать, что развод был каким-то образом моей виной. Еще одна юношеская травма, которой можно было легко избежать.

– В основном, – отвечает мама. – У нас и до этого были проблемы, конечно же. Мы никогда не были идеальной парой. Но после публикации книги я устала от постоянной лжи. И от страха, что правда выйдет наружу. И от всей этой вины.

– Поэтому ты отказалась брать у папы деньги, – поняла я.

– Я просто хотела освободиться от всего этого. Взамен я пообещала твоему отцу, что никогда не скажу тебе правду, – мама снова вздыхает. На этот раз еще печальнее. Такой мягкий выдох поражения. – Думаю, некоторые обещания нужно нарушать.

Темные очки снова на ней – это знак, что я услышала все, что она готова мне рассказать. Неужели это все? Наверное, нет. Но этого достаточно, чтобы наконец-то пришло то чувство облегчения, на которое я так рассчитывала. Наконец-то правда, которая оказалась именно такой, какой я и подозревала.

После этого обед идет нормально. Нам приносят новые напитки. Мама смотрит из-под очков, как я заказываю бургер с беконом. Она берет салат. Я рассказываю ей о дуплексе, который мы с Элли пытаемся перепродать. Она рассказывает мне, как они с Карлом проводят весь июнь на Капри. Когда обед заканчивается, мама удивляет меня еще одним упоминанием о Бейнберри Холл. Она небрежно роняет его, когда расплачивается по счету. Как запоздалую мысль.

– Кстати, мы с Карлом все обсудили и хотели бы купить у тебя Бейнберри Холл. Разумеется, по полной стоимости.

– Серьезно?

– В противном случае я бы и не говорила.

– Это очень мило с вашей стороны, – я делаю паузу, благодарная, но в то же время внезапно встревоженная. Здесь замешано что-то еще. – Но я не могу просто так позволить вам дать мне деньги.

– Мы и не даем, – настаивает мама. – Мы покупаем недвижимость. Этим Карл и занимается.

– Но никто из нас не знает, в каком он состоянии, – говорю я. – И сколько он стоит.

– Просто вызови оценщика, пока нас не будет, за наш счет. Быстро и просто. Тебе даже не нужно будет заходить в Бейнберри Холл.

Я замираю, мое чувство облегчения исчезает в одно мгновение. Потому что, хотя их слова различаются, послание моих родителей сходится.

Никогда не возвращайся туда.

Там небезопасно.

Особенно для тебя.

И это значит, что я все еще не знаю правду о Бейнберри Холл. Может, кое-что из рассказа мамы и правда, но я в этом сомневаюсь. А иначе почему они с папой были так непреклонны в том, чтобы я не возвращалась? Они все еще, после всех этих лет, что-то скрывают. Боль в сердце возвращается, на этот раз острее, будто мама только что воткнула вилку мне в грудь.

- Ты должна признать, что это очень щедрое предложение, - говорит она.

- Да, - отвечаю я слабым голосом.

- Скажи, что ты хотя бы подумаешь над этим.

Я смотрю на затемненные линзы ее очков, жалея, что не могу видеть ее глаза и, следовательно, читать ее мысли. Понимает ли она, что я знаю, что мне снова солгали? Видит ли она боль и разочарование, которые я изо всех сил пытаюсь скрыть?

- Подумаю, - говорю я, хотя все, что я хочу - продолжать умолять ее о правде.

Но я так не делаю, потому что уже знаю - она ничего не скажет. Даже за все просьбы и мольбы мира. Если папа отказался сделать это на смертном одре, я не вижу причин, зачем маме делать это сейчас.

Я снова чувствую себя ребенком. Не той странной и испуганной девочкой из Книги, с которой я никогда не имел дела. И не застенчивой, немой - версия меня в том интервью в «60 минутах» на ютубе. Я чувствую себя так же, как в девять лет, когда впервые прочитала Книгу и жаждала ответов. Единственная разница

заключается в том, что теперь у меня есть то, чего не было в девятилетнем возрасте – доступа к Бейнберри Холл.

Я опускаю руку в карман, нащупывая ключи, которые сунула туда после ухода из кабинета Артура Розенфельда.

Есть фраза, которую я люблю говорить потенциальным покупателям до тура по отремонтированной недвижимости. «У каждого дома есть своя история». Бейнберри Холл – не исключение. Его история – настоящая история – все еще может быть там. Почему мы ушли. Почему папа чувствовал обязанность врать мне. То, что я действительно там испытывала. Все это может прятаться там, в стенах, ожидая, пока я приду и все выясню.

– Я рада, – говорит мама. – Ты так занята. Я не хотела бы, чтобы ты нагружала себя каким-то старым домом, который тебе не нужен.

– Я даже думать не буду об этом месте, пока вы с Карлом не вернетесь, – заверяю ее я. – Обещаю.

Я попиваю свой джин-тоник и сияю маме фальшивой улыбкой, понимая, что она сказала мне хотя бы крошечную правду за обедом.

Некоторые обещания нужно нарушать.

25 июня

Покупка

– Ты должен мне кое-что пообещать, – сказала Джесс, когда мы ехали в Бейнберри Холл сразу же после покупки дома.

– Готов достать луну с неба, – ответил я.

– Мне нужно больше, чем луна. Это обещание связано с домом.

Ну разумеется. В итоге мы потратили большую часть наследства Джесс на покупку Бейнберри Холл. Это казалось более разумным, чем обременять себя ипотекой, которую, учитывая школьную зарплату Джесс и мой скудный заработок фрилансера, мы могли бы однажды и не выплатить. И хотя мы купили дом по дешевке, мои руки дрожали, когда я выписывал подписанный чек на полную сумму.

Они все еще дрожали, когда я свернул с главной дороги, направляясь к нашему новому дому. Хотя мы и не собирались переезжать сюда до следующего дня, мы с Джесс хотели заглянуть туда, в основном просто чтобы осознать, что теперь дом действительно наш.

- Что такое? - спросил я.

- Теперь, раз мы все решили - правда, окончательно и бесповоротно решили - мне нужно, чтобы ты пообещал, что прошлое останется в прошлом.

Джесс замолчала, ожидая, пока до меня дойдет весь смысл ее слов. Как журналисту, мне было свойственно рыскать в поисках историй, которые окружали нас. И мне, конечно же, пришло в голову, что переезд в огромное поместье, где мужчина убил свою дочь, - это чертовски интересная история. Но по каменному выражению лица Джесс я понял, что она не хочет, чтобы я касался этой темы.

- Обещаю, - сказал я.

- Я серьезно, Юэн. Этот человек - и то, что он сделал - это история, которую ты не должен расследовать. Когда завтра мы въедем в этот дом, мы должны притвориться, что этого прошлого не существует.

- В противном случае оно так и будет висеть над нами, - согласился я.

- Именно, - сказала Джесс с коротким кивком. - К тому же у нас есть Мэгги.

Мы уже договорились не рассказывать дочери о судьбах прежних обитателей Бейнберри Холл. Хотя мы понимали, что настанет день, когда Мэгги нужно будет узнать, что случилось, это могло подождать несколько лет. Мы с Джесс избегали

говорить на эту тему до тех пор, пока Мэгги не засыпала или, как в тот день, не оставалась с матерью Джесс.

– Клянусь, я никогда не произнесу имени Кертиса Карвера в ее присутствии, – сказал я. – Как и клянусь, что не буду выяснять, что заставило его так сорваться. Я согласен – прошлое должно быть в прошлом.

К этому времени мы уже подъезжали к воротам Бейнберри Холл, которые уже были широко раскрыты. Там нас ждал смотритель – похожий на пугало человек в государственной униформе штата Вермонт – вельветовые брюки и фланелевая рубашка.

– Вы, должно быть, Холты, – сказал он, когда мы вышли из машины. – Джейни Джун предупреждала, что вы сегодня заедете. Меня зовут Хиббетс. Уолт Хиббетс. Но вы можете звать меня Хиббс. Все так и зовут.

Он ухмыльнулся, обнажив, клянусь, золотой зуб. Подтянутый, жилистый, лет семидесяти, он напоминал мне персонажа из романа Стивена Кинга. И все же я был очарован его непринужденными манерами и самобытностью.

– Я тут все для вас прибрал, – сказал он. – А Эльза Дитмер хорошенько вымыла весь дом. Так что все должно быть в порядке. Мы с Эльзой знаем свою работу. Мы оба тут выросли. Наши семьи работали в Бейнберри Холл на протяжении десятилетий. Я просто хотел предупредить вас на случай, если вам понадобится постоянная помощь.

Вообще, так оно и было. Бейнберри Холл был слишком большим, чтобы мы сами могли с ним справиться. Но покупка этого места означала, что у нас почти не осталось денег ни на что больше. Включая наемный труд.

– Кстати об этом, – сказал я. – Нам понадобится помощь время от времени от вас и от миссис Дитмер. Но сейчас...

– Вы сильный молодой человек, который справится и сам, – сказал Хиббс с неожиданной любезностью. – Я это уважаю и восхищаюсь этим. И также завидую. Как вы видите сами, я уже давно не юнец.

– Но я однозначно иногда буду просить вас о помощи, – сказал я.

– Да, пожалуйста, – он мотнул головой в сторону двух коттеджей, мимо которых мы проезжали, когда свернули с главной дороги. – Я живу вон там. Зовите, если понадобится помощь. Даже посреди ночи.

– Это очень мило с вашей стороны, но мы не собираемся вас слишком беспокоить.

– Я просто даю вам знать, – Хиббс сделал паузу, которую я мог бы назвать зловещей. – Помощь может понадобиться внезапно.

Я уже шел к машине, но после этого резко остановился.

– В каком это смысле?

Хиббс положил тонкую руку мне на плечо и потащил прочь, пока Джесс не смогла нас слышать.

– Я лишь хочу убедиться, что Джейни Джун рассказала вам все, что нужно знать об этом доме.

– Она сказала, – ответил я.

– Хорошо. Это здорово, что вы понимаете, во что ввязываетесь. Карверы не были готовы к этому месту, и, ну, думаю, чем меньше о них говорить, тем лучше, – Хиббс по-доброму похлопал меня по спине. – Я уже и так вас задерживаю. Ступайте к своей жене и еще раз осмотрите свой новый дом.

И он ушел – повернулся спиной и зашагал к своему домику. Только когда я уже сел в машину и ехал по дороге-штопору, я осознал всю странность этого разговора.

– Хиббс спросил, знаем ли мы, во что ввязываемся, – сказал я Джесс, когда Бейнберри Холл замаячил на горизонте, такой же огромный, каким я его и запомнил. – Сначала я подумал, что он говорит о Карверах.

– Я уверена, что так и есть, – ответила Джесс. – О чем же еще говорить?

– Я тоже так посчитал. Но потом он сказал, что Карверы не были к этому готовы, и теперь я гадаю, что же он имел в виду, – я остановил машину перед домом и посмотрел вверх на пару похожих на глаза окон на третьем этаже. Они смотрели в ответ. – Думаешь, здесь произошло что-то еще? Что-то до того, как сюда переехали Карверы?

Джесс кинула на меня взгляд, в котором однозначно читалось предостережение оставить эту тему.

– Прошлое в прошлом, помнишь? – сказала она. – Начиная с этой минуты мы сосредоточимся только на будущем.

С этой мыслью я вышел из машины, запрыгнул на крыльцо и отпер входную дверь. Затем помог Джесс выйти из машины, поднял ее на руки и перенес через порог. Романтический жест, который мне так и не представился после свадьбы.

У нас был бурный роман. Я был помощником профессора и преподавал курс новой журналистики в университете Вермонта. Там Джесс получала степень магистра в области учителя начальных классов. Мы встретились на вечеринке, устроенной нашим общим другом, и провели ночь, обсуждая «Хладнокровное убийство» Трумена Капоте. Я никогда не встречал такую, как она – беззаботную, яркую и живую. Ее лицо светилось, когда она улыбалась, что случалось часто, а глаза были подобны окнам в ее мысли. К концу той ночи я понял, что Джесс – именно та женщина, с которой я хотел бы провести остаток своей жизни.

Мы поженились спустя полгода. А спустя еще полгода родилась Мэгги.

– Ты хочешь официально окрестить это место сейчас или завтра? – спросил я, поставив ее на ноги в прихожей.

– Сейчас, – подмигнула Джесс. – Определенно сейчас.

Взявшись за руки, мы пошли глубже в дом. Секунду спустя я остановился, застигнутый врасплох видом свисающей с потолка люстры.

Она ярко горела.

Джесс тоже это заметила и сказала:

– Может, Хиббс ее нам включил.

Я надеялся, что так и было. В противном случае это означало, что проблема с проводкой, которую обещала решить Джейни Джун, так и осталась без внимания. Я не слишком волновался, потому что к тому времени Джесс уже тащила меня к изогнутой лестнице с игривой улыбкой, в ее глазах сиял шаловливый огонек.

– Так много комнат, – сказала она. – Пожалуй, нам нужно окрестить каждую.

Я охотно последовал за ней вверх по лестнице, абсолютно забыв о люстре. Все, о чем я думал – это моя жена, моя дочь и чудесная новая жизнь, которую мы будем вести в этом доме.

Я и понятия не имел, что на самом деле готовит нам Бейнберри Холл. Как, несмотря на все наши усилия, его история в конечном итоге чуть нас не задушила. Как двадцать дней в его стенах превратятся в кошмар наяву.

Если бы я хоть что-то из этого знал, то мы бы развернулись, ушли из Бейнберри Холл и никогда бы не возвращались.

Глава третья

Когда я подъезжаю на своем пикапе к кованым воротам, уже темнеет. Небо, темно-фиолетовое, как гигантский синяк, нависает надо мной. Я едва ли могу разглядеть подъем гравийной дороги, которая уходит серпантинном в лес. На вершине холма из-за деревьев виднеется кусочек темной крыши, а в окнах тускло отсвечивается сияние луны.

Бейнберри Холл.

Сам дом ужасов.

Предупреждение моего отца эхом отдается в моих мыслях.

Там небезопасно. Особенно для тебя.

Я отгоняю его звонком Элли, чтобы сообщить, что добралась в целости и сохранности.

– Как выглядит это место? – спрашивает она.

– Я не знаю, я пока не открыла ворота.

Элли делает неловкую паузу, а потом отвечает.

– Это нормально, если ты сомневаешься.

– Я знаю.

– И еще не поздно передумать.

Это я тоже знаю. Я могу развернуться, поехать в Бостон и принять предложение мамы по покупке Бейнберри Холл, так и не взглянув на это место. Я могу попытаться смириться с тем, что никогда не узнаю истинной причины, по которой мы уехали той июльской ночью. Я могу притвориться, что мои родители не ввалили мне большую часть моей жизни и что эта ложь не стала частью того, кем я являюсь.

Но нет, не могу.

И бесполезно даже пытаться.

– Ты же знаешь, что я должна, – говорю я.

– Я знаю, что ты думаешь, что должна, – отвечает Элли. – Но это будет непросто.

Мой план состоит в том, чтобы за лето привести Бейнберри Холл в порядок и потом продать его, надеюсь, с прибылью. Это будет не полная реновация. Уж точно не что-то такое обширное, что обычно мы делаем с Элли. Думаю, в основном нужно просто освежить это место. Новая краска и обои. Полировка дерева и укладка новой плитки. Восстановление того, что еще можно использовать, и замена того, что нельзя. В основном разворачиваться я буду только в тех комнатах, которые в принципе продают дом: ванны, кухня, хозяйская спальня.

- Ты говоришь так, будто я никогда раньше не ремонтировала старый дом.

От этого Элли вздыхает.

- Я не об этом говорю.

Она имеет в виду другую часть моего плана - поиск обрывков правды, которые, возможно, прячутся в каждом укромном уголке. Это главная причина, по которой она не ремонтирует дом со мной. На этот раз, как говорят в кино, это дело личное.

- Я буду в порядке, - говорю ей я.

- Говорит женщина, которая так и не вышла из своей машины, - отвечает Элли, констатируя факт, который я не могу отрицать. - Ты к этому готова? И я не про обои, образцы и всякое оборудование. Я про твое ментальное состояние.

- Думаю, да, - это самый честный ответ, который я могу дать.

- А что, если правда, которую ты ищешь, не там?

- У каждого дома есть история.

- И у Бейнберри Холл уже она есть, - отвечает Элли.

- Которую написал мой папа. И меня тогда никто не спрашивал, но все же она преследует меня каждый день. И я должна хотя бы попытаться выяснить настоящую историю, пока у меня есть такой шанс.

– Ты уверена, что я тебе там не нужна? – мягко спрашивает Элли. – Если не для моральной поддержки, то хотя бы просто из-за того, что старые дома бывают сложной работенкой. Мне было бы спокойнее, если бы у тебя там была помощь.

– Я позвоню, если мне нужен будет совет, – пообещала я.

– Нет, – отвечает Элли, – ты будешь звонить или писать хотя бы раз в день. А иначе я буду думать, что ты умерла в эпичной борьбе с огранкой стола.

Когда звонок заканчивается, я выхожу из пикапа и подхожу к воротам, которые возвышаются надо мной по меньшей мере на пять футов. Такие часто бывают в психиатрической больнице или тюрьме. Их ставят не для того, чтобы не пускать людей, а чтобы держать их взаперти. Я нахожу ключ от замка, вставляю его и поворачиваю. Она отпирается с металлическим лязгом.

Почти сразу же из темноты позади меня раздается мужской голос – настолько же хриплый, насколько неожиданный.

– Если вы ищете неприятностей, то вы их только что нашли. А теперь отойдите от ворот.

Я оборачиваюсь, мои руки подняты, как у грабителя, пойманного за преступлением.

– Простите. Раньше я жила здесь.

Фары грузовика, направленные в центр ворот, чтобы помочь мне лучше видеть, теперь ослепляют меня. Я всматриваюсь в темноту позади грузовика, пока источник голоса не выходит на свет. Он высокий и крепкий – этаким Аполлон в джинсах и черной футболке. Хотя ему можно дать и меньше, я считаю, что ему чуть больше сорока, особенно когда он подходит ближе и я вижу немного седины в его щетине на подбородке.

– Ты девочка Юэна Холта? – спрашивает он.

По моей шее сзади поднимается холодок раздражения. Я, может, и дочка Юэна Холта, но ничья я не девочка. Я решила не заострять на этом внимание только

потому, что этот мужчина, вроде как, знал моего папу.

- Да. Мэгги.

Мужчина шагает ко мне, протягивая руку. Вблизи он очень симпатичный. Определенно лет сорока, но плотный и мускулистый, что заставляет меня думать, что он зарабатывает на жизнь физическим трудом. Я постоянно работаю с похожими парнями. Подтянутые предплечья с выступающими венами, которые венчают выпуклые бицепсы. Под футболкой – широкая грудь и на зависть узкая талия.

- Я смотритель, – говорит он, подтверждая мое первое впечатление. – Зовут Дэйн. Дэйн Хиббетс.

Папа упоминал некого Хиббетса в Книге. Уолта. Не Дэйна.

- Мальчик Хиббса?

- Его внук, вообще-то, – отвечает Дэйн, либо не замечая мой выбор слов, либо игнорируя. – Уолт умер несколько лет назад. И я вроде как теперь заменяю его тут. А это значит, что мне, наверное, надо перестать просто стоять и помочь вам открыть ворота.

Он проходит мимо, чтобы помочь – тянет за одну створку, а я толкаю за другую.

- Кстати, я ужасно расстроился, когда услышал о смерти вашего отца, – говорит он. – Остальные в городе могут и не очень хорошо о нем отзываться. Его книга не очень-то популярна в этих местах. От слова совсем. Но он был хорошим человеком, и я всегда напоминаю об этом здешнему народу. «Мало кто продолжал бы нам платить, – говорю я им. – Особенно спустя двадцать пять лет после того, как уехали».

От удивления я даже икнула.

- Мой папа все еще вам платит?

– Это точно. Сначала бабушке, а потом и мне. А, и миссис Дитмер. Я кошу траву, ухаживаю за территорией, время от времени захожу, чтобы убедиться, что в доме все нормально. Эльза – это миссис Дитмер – каждый месяц приходила и хорошенько все вымывала. Теперь это делает ее дочь, когда Эльза стала не в состоянии, мягко говоря.

– Она заболела?

– Только головой, – Дэйн указательным пальцем стучит по виску. – Альцгеймер. Бедная женщина. Такое и заклятому врагу не пожелаешь. Но ваш отец так нас и не уволил и навещал меня каждый раз, как приезжал.

Очередной сюрприз. От этого я отпускаю свою половину ворот, и она снова закрывается.

– Мой папа сюда приезжал?

– Так и есть.

– Часто?

– Не часто, нет, – отвечает Дэйн. – Только раз в год.

Я стою совершенно неподвижно, чувствуя на себе пристальный взгляд Дэйна, но ничего не могу с этим поделать. Шок не позволяет мне двигаться.

Папа приезжал сюда раз в год.

Несмотря на клятву никогда не возвращаться.

Несмотря на то, что он умолял меня на смертном одре сделать то же самое.

Эти визиты идут вразрез со всем, что мне говорили о Бейнберри Холл. Что это было запрещенное место для моей семьи. Что здесь не осталось ничего хорошего. Что мне нужно держаться подальше.

Там небезопасно. Особенно для тебя.

Почему папа думал, что ему можно возвращаться, а мне нет? Почему он не упомянул – ни одного раза – что он все еще владеет Бейнберри Холл и регулярно сюда возвращается?

Дэйн продолжает на меня странно поглядывать. Частично с любопытством, частично с беспокойством. Первый шок проходит, так что я могу задать следующий вопрос.

– Когда он был тут последний раз?

– Прошлым летом, – говорит Дэйн. – Он всегда возвращался в одну и ту же дату – 15 июля.

Очередной шок. Сильный удар, который толкает меня под пятки. Я хватаюсь за ворота, чтобы не упасть, мои онемевшие пальцы цепляются за кованые завитки.

– Вы там в порядке, Мэгги? – спрашивает Дэйн.

– Да, – бормочу я, хотя совсем не уверена. Ночью 15 июля моя семья уехала из Бейнберри Холл. Это не может быть совпадением, хотя я и понятия не имею, что это значит. Я пытаюсь придумать логичную причину, с чего бы папе возвращаться сюда только в эту знаменитую дату, но на ум ничего не приходит.

– И как долго он тут оставался? – спрашиваю я.

– Всего одну ночь, – говорит Дэйн. – Он поздно приезжал и уезжал рано на следующий день. После первых пары лет я уже как по часам все выучил. Я открывал ворота и ждал, пока он сюда заедет, а потом закрывал их, когда его машина выезжала с утра.

– Он когда-нибудь говорил, что тут делает?

– Он никогда не заводил такой разговор, а я и не спрашивал, – говорит Дэйн. – Не мое это было дело. И хотя сейчас тоже, но я все же спрошу...

– Какого черта я тут забыла?

– Я хотел спросить как-то повежливей, но раз уж вы сами так сказали, то правда, какого черта вы тут забыли?

Дэйн бросает взгляд на заднюю часть моего пикапа. Под брезентом спрятаны коробки с оборудованием, несколько наборов инструментов и достаточно электроинструментов, чтобы обеспечить небольшую строительную площадку. Настольная пила. Электропила. Дрель. Шлифовальный станок. Не хватает только отбойного молотка, хотя я знаю, где его взять, если возникнет такая необходимость.

– Я хотела проверить дом, обновить то, что нужно, и подготовить к продаже.

– Дом в хорошей форме, – говорит Дэйн. – Фундамент крепкий, сама конструкция хорошая. У него крепкие кости, как говорится. Его можно принарядить, конечно же. Ну, как и меня, например.

Он одаривает меня лукавой, самоироничной улыбкой, давая понять, что знает, насколько красив. Держу пари, он привык доводить женщин Бартлби до обморока. К несчастью для него, я не из этих мест.

– Как думаете, дом можно продать? – по-деловому спрашиваю я.

– Такое-то место? И со всеми его загадками? Оно точно продастся. Хотя вам надо быть осторожной с теми, кому вы хотите продать. Большинство местных будут не очень-то счастливы, если это место превратится в туристическое.

– Горожане Бартлби так сильно ненавидели папину книгу, да?

– Они ее презирали, – говорит Дэйн, выплюнув это слово так, будто хотел избавиться от кислого вкуса на языке. – Большая часть хотели бы, чтобы она никогда не была написана.

Не могу сказать, что виню их. Однажды я сказала Элли, что жить в тени Книги – все равно что иметь родителя, совершившего убийство. Я виновна просто по дефолту. Теперь представьте себе, что такое внимание может сделать с целым

городом, его репутацией, стоимостью его недвижимости. «Дом ужасов» выделил Бартлби, штат Вермонт, на карту по совершенно неправильным причинам.

- А что насчет вас? - спрашиваю я Дэйна. - Что вы думаете о книге моего папы?

- Ничего не думаю. Я ее никогда не читал.

- Так вы тот единственный, - говорю я. - Приятно наконец-то с вами познакомиться.

Дэйн снова ухмыляется. На этот раз искренне, отчего улыбка становится намного приятнее, чем предыдущее ее подобие. От нее у него появляется ямочка на правой щеке, прямо над краем щетины.

- Вы не фанатка, насколько я понимаю, - говорит он.

- Скажу так - я не очень-то люблю чушь собачью. Особенно если я там главная героиня.

Дэйн прислонился к каменной стене рядом с воротами, скрестив руки на груди и склонив голову в сторону Бейнберри Холл.

- Тогда, я думаю, вы не боитесь остаться одной в этом большом доме.

- Вы были там намного больше, - говорю я. - Стоит мне бояться?

- Только если вас пугают клубки пыли, - отвечает Дэйн. - Вы сказали, что хотите обновить дом. У вас есть опыт в подобной работе?

Раздраженный холодок возвращается, завладевая задней частью моей шеи.

- Да. Немного.

- Там много работы.

За этой фразой кроется кое-что еще, эта невысказанная часть осталась висеть, как осенний лист. Но я знаю, что это. Что-то смутно сексистское и покровительственное. Я слышу это все время. Постоянные вопросы, которые никогда не будут заданы мужчине. Достаточно ли я опытна? Достаточно сильна? Достаточно способна?

Однако продолжение фразы оказывается куда более эгалитарным.

– Для одного человека, в смысле, – говорит он.

– Я справлюсь.

Дэйн почесывает подбородок.

– Там внутри полно работы. Особенно если вы решили подготовить там все для перепродажи.

Тогда-то я и понимаю, что он не придурок-сексист. Он таким окольным путем спрашивает о работе.

– У вас есть опыт по реновации домов? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает Дэйн. – Немного.

Слышать свой же ответ, брошенный назад, скорее смешно, чем раздражающе. Очевидно, мы с Дэйном Хиббетсом понимаем друг друга.

– Это моя основная работа, – говорит он. – Главный подрядчик. Ремонт домов, всякое такое. Но бизнес в последнее время не особо процветает.

Я делаю паузу, пытаюсь оценить, не принесет ли найм Дэйна больше проблем, чем пользы. Но Элли была права – несмотря на мои знания и умения, мне понадобится помощь. Дэйн был в Бейнберри Холл. Он знает это место лучше, чем я. И если мой отец считал его достаточно хорошим, чтобы продолжать платить ему, было бы разумно сделать то же самое.

– Вы наняты, – говорю я. – Я заплачу приличное жалованье. И когда я его продам, можете рассказывать, что выполняли большую часть работы. Возможно, это поможет вам найти новых клиентов. Договорились?

– Договорились, – отвечает Дэйн.

Мы пожимаем руки.

– Хорошо. Начинаем завтра. В восемь утра.

Дэйн шутливо отдает мне честь.

– Есть, босс.

* * *

Дорога от ворот до самого дома – это череда ожиданий, либо оправданных, либо нет. Я предполагала, что серпантин будет похож на подъем на американскую горку – сплошной нарастающий страх и уколы сожаления. Но вместо этого он оказывается спокойной поездкой через лес. Без происшествий. Спокойный, ровный, с сумерками, добавляющими туманную мягкость окружающему лесу.

Единственное, что заставляет меня остановиться – это обилие колючих растений вдоль дороги. Из них торчат плотные сгустки чего-то ярко-красного, как сценическая кровь, в свете фар пикапа.

Волчьи ягоды.

Они повсюду.

Уходят в глубь леса. Роятся вокруг стволов деревьев. Бегут вверх по склону холма. Единственное место, где они не растут – это самая вершина холма, как будто их пугает присутствие Бейнберри Холл.

И снова я готовлюсь к тому моменту, когда он появился в поле зрения. Поскольку у меня нет никаких реальных воспоминаний о нем, я ожидала, что

сердце будет сжиматься от страха перед домом, который я знала только через призму творчества моего папы. Фотографии в Книге делают Бейнберри Холл похожим на что-то из фильма ужасов «Хаммера». Сплошные темные окна и грозовые тучи, несущиеся мимо остроконечной крыши.

Но на первый взгляд Бейнберри Холл не похож на место, которого следует бояться. Это просто большой дом, который нуждается в небольшом ремонте. Даже в сгущающихся сумерках ясно, что его забросили. С подоконников свисают полоски краски, а крыша покрыта мхом. В одном из окон второго этажа есть трещина, ползущая из угла в угол. Другое полностью сломано и теперь покрыто фанерой.

И все же это место не лишено привлекательности. Оно выглядит достаточно прочно и надежно. Ступеньки крыльца не прогибаются, а в фундаменте не видно трещин.

Дэйн был прав. У дома хорошие кости.

Перед отъездом из Бостона я убедилась, что дом все еще подключен к необходимым коммуникациям. Мне сказали, что все в порядке, и это, оглядываясь назад, должно было подсказать мне, что папа не просто владел домом. В Бейнберри Холл есть все коммунальные услуги среднестатистического дома. Проточная вода. Газ. Электричество. Единственное, чего там нет – это телефонной линии, поэтому я остаюсь в пикапе и звоню маме на мобильный. Я специально ждала их с отчимом отъезда на Капри, чтобы приехать сюда. К тому времени как мама прослушает голосовую почту, она будет уже за полмира отсюда.

– Привет, мам. Это я. Я просто хотела тебе сказать, что, хоть я и очень ценю твое предложение купить Бейнберри Холл, я решила сама его отремонтировать и продать, – неуверенность так и проскальзывает в моем голосе, когда я на цыпочках подхожу к той части, которая ей действительно не понравится. – Вообще-то, я уже тут. Просто хотела, чтобы ты знала. Хорошей тебе поездки.

Я жму на отбой, засовываю телефон в карман и достаю свой багаж с пассажирского сиденья пикапа. С двумя чемоданами в руках и большой спортивной сумкой за спиной я направляюсь к парадной двери Бейнберри Холл. Через мгновение, потраченное на возню с ключами, дверь отпирается и

открывается с возбужденным скрипом петель.

Я заглядываю внутрь и вижу неосвещенный интерьер, окрашенный в серый цвет сумерками. Ноздри щекочет странный запах – смесь затхлого воздуха, пыли и чего-то еще. Чего-то более неприятного.

Гниения.

Пока я стою там, вдыхая неприятный запах Бейнберри Холл, мне приходит в голову, что, возможно, мне следует испугаться. Поклонники этой Книги так и сделали бы. Венди Дэвенпорт и десятки тысяч других. Прямо сейчас они были бы в ужасе, беспокоясь обо всех кошмарах, подстерегающих их за этой дверью.

Но я не боюсь.

Любая моя тревога связана с более приземленными вещами. В основном с тем, откуда пахнет гнилью. Это дерево гниет? Здесь есть термиты? Какой-то лесной зверь, который зимой смог сюда пробраться и умер?

Или, может, это мое воображение. Остаток моих ожиданий найти дом в полном запустении. А не место, где все еще есть смотритель и уборщица. Определенно не место, где папа оставался на одну ночь в году.

Я захожу в вестибюль, бросаю сумки и щелкаю выключателем у двери. Лампа над моей головой загорается. Внутри мечется пойманный мотылек. Силуэты крыльев бьются о стекло.

Я не уверена, чего жду, когда углубляюсь в дом. Какое-нибудь убожество, наверное. Двадцать пять лет забвения. Паутину, свисающую с углов, как знамена. Дыры в потолке. Птичий помет на полу. Но здесь чисто, хотя и не безукоризненно. Тонкий слой пыли покрывает пол вестибюля. Когда я оборачиваюсь, то вижу следы, оставленные на моем пути.

Я продолжаю идти, движимая любопытством. Я думала, что когда снова окажусь здесь, это пробудит хоть какие-то воспоминания, пусть даже самые слабые. Блеклые обрывки о том, как я сидела на крыльце или на кухне, поднималась по лестнице перед сном.

Ничего.

Все мои воспоминания связаны только с чтением подобного в Книге.

Я повторяю путь, который прошли мои родители во время их первого тура. Тот самый, о котором подробно писал мой отец. Мимо лестницы. Под люстрой, с «щупалец» которой свисают несколько зигзагов паутины. В большую комнату. Стою у камина, откуда на меня должно было бы смотреть мрачное лицо Уильяма Гарсона.

Но картины там нет. Все, что находится над камином, – это камень, выкрашенный в серый цвет. А это значит, что либо портрет мистера Гарсона никогда и не существовал, либо папа покрасил его во время одного из своих тайных визитов.

Дальше – столовая и кухня со стеной из колокольчиков, которые когда-то, должно быть, блестели, но теперь потускнели от налета. Я дотрагиваюсь до одного, подписанного как «гостиная», и он издает жестяной, невеселый звук.

Я иду в другой конец кухни, поглядывая на потолок. Его участок над рабочим столом явно не относится к первоначальному потолку. Краска не совсем соответствует остальной части кухни, и есть видимый шов вокруг пятна, которое было заменено. В центре – сероватый овал, где потолок начал проседать.

Пятно от воды.

Несмотря на то что оно выглядит десятилетней давности, пятно означает, что в потолке в какой-то момент что-то начало протекать. Это совсем не здорово.

В дальнем конце кухни я не утруждаюсь и даже не спускаюсь в подвал с каменными стенами. Шепот холода и сильный запах плесени, доносящийся от двери, говорят мне, что это место лучше исследовать днем с защитным снаряжением.

Итак, обратно на первый этаж, в круглую гостиную, которая оказалась меньше, чем я себе представляла. Как и весь дом. По описаниям моего отца, Бейнберри Холл казался больше – похожее на пещеру место, которое обычно встречается

только в готической литературе. Эдакий замок Мандерли на стероидах. Реальность не так грандиозна. Да, он большой, если сравнивать с обычными домами, но тесный, чего я никак не ожидала, и он кажется еще теснее из-за темной деревянной отделки и пыльных обоев.

Гостиная загромождена мебелью, покрытой тряпками, отчего она похожа на комнату с привидениями. Я сдергиваю чехлы, создавая клубы пыли, и когда они оседают, я вижу настолько тонко отделанную мебель, что ей место только в музее.

Наверное, это мебель семьи Гарсон. Такие вещи мои родители точно не смогли бы себе позволить в то время. Особенно секретарский стол из вишневого дерева, стоящий у изогнутой стены с окнами в передней части комнаты.

Он выше меня и вдвое шире, нижняя половина стола состоит из полки, которую можно опустить, чтобы подстроить ее для письма, и нескольких ящиков. На верхней половине есть дверцы, которые, распахнувшись, как крылья, открывают аптекарские ящички для чернильниц и ручек, маленькое овальное зеркало и деревянные щели для писем – этим папа точно не пользовался. Он просто сложил письма на опущенной полке. Просматривая пыльную кучу, я нахожу нераспечатанные счета, старые листовки и выцветшие рекламные проспекты продуктовых магазинов, некоторые из которых датируются прошлым десятилетием.

Рядом с ними лежит золотая рамка. Я поднимаю ее и вижу фотографию нашей семьи. Пожалуй, это было до того, как мы переехали в Бейнберри Холл, потому что мы все кажемся счастливыми. Особенно мои родители. Они были красивой парой. Мама, изящная и бойкая, прекрасно контрастировала с неряшливой красотой папы. На фотографии рука отца обвилась вокруг талии мамы, притягивая ее к себе. Она смотрит на него, а не в камеру, и улыбается такой улыбкой, какую я не видела уже много лет.

Не очень-то большая счастливая семья.

Вот только недолго.

На фотографии я стою перед родителями с косичками и без переднего зуба, что портит мою широкую ухмылку. Я выгляжу такой юной и беззаботной, что едва

узнаю себя. Я поднимаю взгляд к овальному зеркалу стола и на мгновение сравниваю эту женщину с девочкой, которой была раньше. Мои волосы – теперь чуть темнее – свободно падают на плечи. Когда я широко улыбаюсь, копируя выражение лица на фотографии, это кажется мне натянутым и неестественным. Мои карие глаза почти не изменились, хотя теперь в них появилась жесткость, которой не было в юности.

Я ставлю рамку, поворачивая ее так, чтобы фотография была не видна. Мне не нравится смотреть на эту более молодую и счастливую версию себя. Это напоминает мне о том, кем я когда-то была и кем могла бы стать сейчас, если бы не Книга.

Может, Элли была права. Может, я к этому не готова.

Я стряхиваю с себя эту мысль. Я здесь, и у меня много дел, включая дальнейший осмотр стола. Среди стопок почты лежит серебряный нож для писем, такой же старый и богато украшенный, как и сам стол. Это подтверждается, когда я беру его и вижу инициалы, витиевато выгравированные на ручке.

У.Г.

Мистер Уильям Гарсон, судя по всему.

Я кладу нож обратно на стол, а моя рука тянется к бумаге возле него. Когда-то сложенный пополам, теперь он лежит лицом вниз. Когда я переворачиваю листок, то вижу одно слово, написанное чернилами – буквы широкие, заглавные и жирные.

ГДЕ??

Такой немногословный вопрос, который вызывает несколько других. Где что? Почему кто-то это ищет? И, главное, кто это написал? Потому что это определенно не почерк моего папы.

Я подношу бумажку ближе к лицу, как будто это поможет лучше понять ее смысл. Я все еще смотрю на эти выразительные вопросительные знаки, когда слышу шум.

Скрип.

Доносящийся из соседней комнаты.

Комната Индиго.

Я резко поворачиваюсь к двери, отделяющей ее от гостиной, и на долю секунды ожидаю увидеть там мистера Тень. Глупо, я знаю. Но когда я росла с Книгой, то научилась думать, что он настоящий, хотя это и не так. Этого не может быть.

Мистера Тень там, конечно, нет. Ничего нет. Сразу за дверью, в Комнате Индиго, темно, тихо и спокойно.

Только когда я снова поворачиваюсь к столу, я слышу еще один скрип.

Громче, чем первый.

Я бросаю взгляд на овальное зеркало стола. Прямо за моим плечом в стекле отражается дверь в Комнату Индиго. Внутри все еще темно, все еще тихо.

А потом что-то движется.

Бледное пятно мелькнуло в дверном проеме.

Раз – и исчезло в одно мгновение.

Я бросаюсь в Комнату Индиго, стараясь не думать о мистере Тень, хотя все, что я могу делать, так это о нем думать, и три слова эхом отдаются в моей голове.

Он. Не. Существует.

А значит, это что-то другое. Скорее всего, животное. Кто-то, кто знает, что это место пустует 364 дня в году. Что-то, чего мне определенно тут не надо, раз уж я приехала.

Войдя в Комнату Индиго, я щелкнула выключателем у двери. С люстрой, свисающей с потолка, ничего не происходит. Либо проводка перегорела, либо лампочки. Тем не менее свет, льющийся из гостиной, позволяет мне разглядеть некоторые детали комнаты. Я замечаю ярко-зеленые стены, паркетный пол, мебель, одетую, как призраки.

Чего я не вижу, так это портрета Индиго Гарсон над камином. Как и в большой комнате, камень окрашен в серый цвет.

Я отворачиваюсь от камина, и что-то бросается на меня из черного, как смоль, угла комнаты.

Не животное.

Не мистер Тень.

Старая женщина, ужасная и бледная в тусклом свете.

Крик вырывается из моего горла, когда женщина приближается. Она ковыляет ко мне, раскинув руки, ноги в тапочках грозят затоптать подол ночной рубашки. Вскоре она уже на мне, ее руки на моем лице, ладони крепко прижаты к моим щекам, носу и рту. Сначала я думаю, что она пытается задушить меня, но потом ее руки опускаются мне на плечи, и она заключает меня в отчаянные объятия.

- Петра, детка, - говорит она. - Ты вернулась ко мне.

26 июня

День 1

Переехать из квартиры в Берлингтоне в Бейнберри Холл было легко, главным образом потому, что в квартире не было ничего, кроме моих многочисленных книг, нашей одежды и нескольких безделушек, которых мы накопили за эти годы. Мы решили использовать бо?льшую часть мебели, которая шла с домом – больше из соображений экономии, чем каких-либо еще. Единственной мебелью, которую мы не оставили, были кровати.

– Я не позволю своей дочери спать в постели мертвой девочки, – настаивала Джесс. – И я определенно не буду спать в постели человека, который ее убил.

Еще она настояла на том, чтобы сжечь пучок шалфея, который должен был очистить дом от негативной энергии. Поэтому, пока Джесс бродила вокруг с горстью тлеющих трав, оставляя за собой дымящийся след, словно ходящая палочка благовоний, я остался на кухне и распаковал обширный набор посуды, который она также унаследовала от своего деда.

Мне помогала Эльза Дитмер, которая жила в коттедже за воротами, не занятом Хиббсом и его женой. Как ее мать, а до этого бабушка, она зарабатывала уборкой домов, включая и Бейнберри Холл. И хоть мы с Джесс и не могли позволить себе нанять ее на полную ставку, мы с радостью оплатили ей пару дней, чтобы она помогла нам въехать.

Эльза была крепкой женщиной лет сорока с мягким голосом и широким, дружелюбным лицом. Она принесла подарок на новоселье – буханку хлеба и деревянный коробок с солью.

– Это традиция, – объяснила она. – Чтобы в новом доме вы никогда не голодали.

Пока мы работали, она почти не говорила, только если я к ней обращался. Когда Джесс прошла через кухню в облаке дыма шалфея, я сказал:

– Уверяю вас, мы не всегда такие странные. Вы, наверное, считаете нас самыми суеверными людьми на земле.

– Вовсе нет. Там, откуда родом моя семья, все суеверные, – Эльза подняла десертную тарелку, которую только-только развернула из газеты. – Были бы мы в Германии, я бы должна была ее разбить. Осколки приносят удачу. Так говорят приметы.

– И что, приносят?

– По своему опыту не скажу, – она задумчиво улыбнулась. – Возможно, я разбила недостаточно тарелок.

Эльза осторожно поставила тарелку на стол. Когда она это сделала, я заметил обручальное кольцо на ее правом безымянном пальце. Ей едва за сорок, а она уже вдова.

– Возьмите ее обратно, – сказал я, а потом быстро развернул такую же тарелку и чокнулся ей с тарелкой Эльзы. – Ну что?

– Я не могу, – сказала она, слегка покраснев. – Это же такие красивые тарелки.

Они действительно были красивыми. И их было много. От двух разбитых ничего не будет.

– Оно того стоит, если они принесут хоть немного удачи этому месту.

Эльза Дитмер неохотно согласилась. Мы вместе бросили тарелки на пол, и они разлетелись на мелкие кусочки.

– Я уже чувствую себя счастливым, – сказал я, взяв щетку и совок, и начал подметать осколки. – По крайней мере счастливее, чем Кертис Карвер.

Улыбка на лице Эльзы померкла.

– Простите, – сказал я. – Это было жестоко с моей стороны. Вы, наверное, их знали.

– Да, немного, – сказала Эльза, кивнув. – Я здесь прибиралась, когда им это было нужно.

– А какими они были?

– Сначала они казались счастливыми. Дружелюбными.

– А Кертис Карвер? Он был?..

Я замолчал, тщательно подбирая слова. Эльза Дитмер знала этого человека. Возможно, он ей даже нравился, и я не хотел ее обидеть. Я удивился, когда она закончила фразу за меня.

– Монстром? – спросила она с нескрываемой злобой. – А кем еще он может быть? Человек, способный сотворить такое со своим ребенком – с любым ребенком – и есть монстр. Но он очень хорошо умел это скрывать. По крайней мере сначала.

Как послушный муж, которым я пытался быть, я хотел проигнорировать это замечание. В конце концов, я обещал Джесс не тащить прошлое в настоящее. Но журналист во мне победил.

– Что случилось? – спросил я, говоря тихо на тот случай, если Джесс пряталась где-то за клубами дыма.

– Он изменился, – сказала Эльза. – А может, он всегда был таким и мне просто потребовалось время, чтобы это рассмотреть. Но вначале он был очень милым. Очаровательным. Потом, когда я видела его в последний раз, он явно нервничал. Боялся. Он даже выглядел по-другому. Усталый и очень бледный. Тогда я думала, что это из-за его дочери. Она болела.

– Чем-то серьезным?

– Я знаю только то, что говорил мистер Карвер. Что она больна и ей надо оставаться в своей комнате. Мои девочки очень расстроились. Им нравилось тут играть.

– У вас есть дочери?

– Да. Две. Петре шестнадцать, а Ханне шесть, – глаза Эльзы загорелись, когда она упоминала их имена. – Они хорошие. Я ими очень горжусь.

Я закончил подметать разбитые тарелки и выбросил осколки в ближайшую мусорку.

– Должно быть, им было тяжело потерять друга в таком ужасном происшествии.

– Мне кажется, Ханна не совсем понимает, что произошло. Она слишком маленькая. Она знает, что Кэти больше нет, но не знает почему. И как. Но вот Петра, она знает все подробности. И она все еще этим потрясена. Она очень заботливая. И сильная, как и ее отец. Я думаю, она считала Кэти второй младшей сестренкой. И Петре больно осознавать, что она не смогла защитить Кэти.

Я рискнула задать еще один вопрос, зная, что Джесс рассердится, если узнает. Я решил, что не скажу ей ничего из того, что узнаю.

– А что именно сделал Кертис Карвер? Нам не сообщили никаких подробностей.

Эльза заколебалась, решив вместо этого сосредоточиться на аккуратной укладке оставшихся тарелок.

– Пожалуйста, – сказал я. – Теперь это наш дом, и я хотел бы знать, что здесь произошло.

– Это было ужасно, – сказала Эльза с большой неохотой. – Он задушил Кэти подушкой, пока она спала. Я молюсь, что она так и не проснулась. Что она так и не осознала, что с ней делал собственный отец.

Она дотронулась до крестика, свисающего с шеи, как будто убеждая себя, что такой маловероятный сценарий действительно произошел.

– После этого Кертис – мистер Карвер – поднялся в кабинет, надел на голову мусорный мешок и затянул его ремнем на шее. Он умер от асфиксии.

Я обдумывал это, не в силах ничего понять. Откровенно говоря, мне было совершенно непонятно, как человек может быть способен на оба этих поступка. И на затягивание ремня на шее в ожидании, когда воздух закончится, и, конечно, на убийство дочери во сне. Для меня самым вероятным виновником было безумие. Что-то сломалось в мозгу Кертиса Карвера, приведя его к смерти и самоубийству.

Либо так, либо Эльза Дитмер была права – он был чудовищем.

– Это ужасно печально, – сказал я просто потому, что мне нужно было сказать хоть что-то.

– Да, – ответила Эльза, еще раз мягко дотронувшись до крестика. – Это небольшое утешение – знать, что милая Кэти теперь в лучшем месте. «Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное».

Позади нас один из колокольчиков на стене издал одинокий звон. Удивительно, учитывая их возраст и запустение. Я не думал, что они все еще звенят. Эльза тоже казалась шокированной. Она продолжала поглаживать крестик, и на ее лице появилось озабоченное выражение. Это выражение стало еще отчетливее, когда колокольчик зазвенел снова. На этот раз он продолжал звенеть – слабый, дрожащий звон, который, тем не менее, заполнил тихую кухню.

– Наверное, это Мэгги, – сказал я. – Я знал, что рано или поздно она найдет эти колокольчики. Я пойду наверх и попрошу ее прекратить.

Я проверил медную табличку над все еще звенящим колокольчиком – Комната Индиго – и поспешил вверх по лестнице. Воздух на первом этаже был густым от горящего шалфея, от чего мне стало понятно, что Джесс только что проходила мимо. Возможно, я слишком поспешил обвинить свою дочь, и звонила не она, а жена.

Я направился к передней части дома, ожидая увидеть Джесс, бродящую по гостиной и Комнате Индиго, дергая за случайные колокольчики, всю в клубах дыма. Но гостиная была пуста. Как и Комната Индиго.

Все, что я видел – это мебель, которую еще не освободили от чехлов, и чудесная картина Индиго Гарсон над камином. Единственным логичным объяснением звона, которое пришло мне в голову, был ветер, хотя даже это казалось маловероятным, учитывая, что в комнате не было заметного сквозняка.

Я уже собирался выйти из комнаты, когда заметил какое-то движение в глубине камина.

Через секунду что-то появилось.

Змея.

Серая, с параллельными полосками цвета ржавчины на спине, она соскользнула из камина и быстро поползла по полу.

Мгновенно среагировав, я схватил ближайший чехол с мебели и бросил его на змею. В ткани образовалась шипящая, извивающаяся выпуклость. С колотящимся в горле сердцем я схватил края ткани и собрал их в импровизированный мешок. Внутри змея металась и извивалась. Я держал мешок на расстоянии вытянутой руки, пока он дико раскачивался, и поспешил к входной двери.

Как только я сошел с крыльца, я бросил тряпку на подъездную дорожку. Ткань распахнулась, обнажив змею. Она лежала на спине, сверкнув кроваво-красным брюшком, прежде чем перевернуться и уползти в лес. Последнее, что я увидел, был взмах ее хвоста, когда она исчезла в подлеске.

Когда я повернулся к дому, то увидел Эльзу Дитмер на крыльце с рукой на сердце.

– В доме была змея? – спросила она с явной тревогой.

– Да, – я изучал ее лицо, которое сохранило то же самое напряженное выражение, которое я заметил еще на кухне. – Это плохая примета?

– Может, я слишком суеверна, мистер Холт, – сказала она, – но на вашем месте я бы разбила еще пару тарелок.

Глава четвертая

Эта женщина – Эльза Дитмер, что мне становится ясно только тогда, когда полиция и ее дочь прибывают с разницей в минуту.

Сначала полиция, вызванная звонком 911, который я в ужасе сделала пять минут назад. Вместо какого-то новобранца меня направляют к шефу полиции, женщине по имени Тесс Олкотт, которая, похоже, не слишком-то хочет здесь быть.

Она входит в дом с хмурым выражением лица и самоуверенной походкой киношного ковбоя. Я подозреваю, что и то и другое – притворство. То, что она должна делать, чтобы ее воспринимали всерьез. Я делаю то же самое, когда нахожусь на работе. Только в моем случае это строгое поведение и одежда, которая ужасает мою мать.

– Думаю, я уже знаю, кто из вас незваный гость, – говорит шеф Олкотт.

Больше она ничего не успевает сказать, потому что в этот момент в открытую дверь вбегает дочь миссис Дитмер. Как и ее мать, она в пижаме. Фланелевые пижамные штаны и огромная футболка. Не обращая внимания на шефа Олкотт и меня, она направляется прямо к своей матери, которая сидит в гостиной, откинувшись на спинку стула, все еще покрытого тканью.

– Мама, что ты здесь делаешь?

Тогда-то я и понимаю, кто она. Кто все они. Эльза Дитмер, ее дочь, шеф Олкотт – все персонажи Книги. Только вот это не персонажи. Это живые, настоящие люди. Не считая моих родителей, я никогда не встречала никого из Книги, и поэтому мне приходится напомнить себе, что они существуют в реальной жизни.

– Это не Петра, мама, – говорит ее дочь. – Это незнакомка.

Лицо миссис Дитмер, на котором таилась какая-то блаженная надежда, внезапно осунулось. Мрачное понимание занимает место надежды, затемняя глаза и заставляя дрожать нижнюю губу. Видя это, мое сердце болит так сильно, что мне приходится отвернуться.

– Как видите, миссис Дитмер иногда не в себе, – говорит шеф Олкотт. – Она частенько уходит из дома.

– Мне говорили, что она нездорова, – бормочу я.

– У нее Альцгеймер, – это произносит ее дочь, которая внезапно оказывается рядом с нами. – Иногда она в порядке. Как будто все нормально. А иногда ее сознание затуманивается. Она забывает, какой это год, или уходит куда-то. Я думала, что она спит. Но когда я увидела, как мимо проезжает шеф, то поняла, что она пришла сюда.

– Она часто так делает?

– Нет, – отвечает она. – Обычно ворота закрыты.

– Ну, уже все позади, – говорит шеф Олкотт. – Никто не желал зла, и никто его не причинил. Думаю, Эльзе лучше вернуться домой и лечь спать.

Дочь миссис Дитмер не двигается.

– Вы Мэгги Холт, – говорит она так, будто это какое-то обвинение.

– Да, это я.

Когда я протягиваю руку, она демонстративно отказывается ее пожимать.

– Ханна, – говорит она, хотя я уже и сама догадалась. – Мы раньше встречались.

Я знаю это только потому, что это есть в Книге. Хоть папа и писал, что тогда Ханне было всего шесть, сейчас она выглядит лет на десять старше меня. У нее резкие черты лица. Женщина, чьи мягкие черты были обточены самой жизнью. Последние двадцать пять лет, должно быть, были не подарок.

– Мне жаль, что такое случилось с вашей мамой, – говорю я.

Ханна пожимает плечами. Жест, казалось, говорит: «Ага, нас тут таких двое».

– Петра – это ваша сестра, да?

– Была моей сестрой, – говорит Ханна. – Простите, если мама вас напугала. Больше это не повторится.

Она помогает матери встать и осторожно ведет ее к двери. Когда они уходят, Эльза Дитмер оборачивается и бросает на меня последний взгляд, словно надеясь, что я волшебным образом превращусь в ее вторую дочь. Но этого не происходит, и лицо миссис Дитмер снова озаряется грустью.

Когда они уходят, шеф Олкотт задерживается в коридоре. Прямо над ней, в люстре внезапно затихает бьющийся мотылек. Может, на мгновение. Может, навсегда.

– Мэгги Холт, – шеф в неверии качает головой. – Пожалуй, я не должна удивляться, что вы здесь. Раз уж ваш отец недавно почил. Мои соболезнования, кстати.

Она замечает мои сумки на полу в прихожей.

– Похоже, вы планируете тут остаться.

– Только чтобы сделать ремонт и продать дом.

– Амбициозно, – отвечает шеф Олкотт. – Планируете превратить его в какую-нибудь резиденцию для людей с Уолл-стрит? Или, может, сделать тут гостиницу? Что-то такое?

– Я еще не решила.

Она вздыхает.

– Печально. Я надеялась, что вы приехали снести тут все. Бейнберри Холл заслуживает быть только развалиной.

Последующая пауза предполагает, что она ждет, что я обижусь. Это не так.

– Полагаю, книга моего отца принесла много проблем, – говорю я.

– Да. В течение года или около того мы должны были выставлять офицеров за воротами. Это был ужас. Многие парни на поверку оказались не такими уж крутыми, когда поняли, что им придется провести смену у дома с привидениями.

А я вот не возражала. Кто-то же должен был держать упырей подальше.

– Упырей?

– Туристы, которые приезжали смотреть на призраков. Это было наше для них название. Все эти приезжие люди, которые пытаются перелезть через ворота или перелезть через стену и прокрасться в дом. Не буду врать – некоторые из них добирались довольно далеко.

Моя спина и плечи напрягаются от беспокойства.

– Они забирались внутрь?

– Некоторые, – небрежно говорит шеф, как будто это не причина для беспокойства. – Но те времена давно прошли. Конечно, парочка пьяных детишек время от времени пытается прокрасться в дом. Ничего особенного. Дэйн Хиббетс или Ханна Дитмер обычно видят, что они идут, и звонят мне. Сейчас тут в основном тихо, и мне это нравится.

Шеф Олкотт смерила меня тяжелым взглядом. Это похоже на предупреждение.

– Как я уже сказала, мое пребывание здесь временно. Но у меня есть вопрос. Что случилось с Петрой Дитмер?

– Она сбежала, – говорит шеф. – По крайней мере так все считают. Никто не смог найти ее, чтобы это подтвердить.

– Когда?

– Двадцать пять лет назад, – шеф Олкотт подозрительно прищуривает глаза. – Я помню, потому что примерно в то же время ваш отец сообщил мне, что в этом месте водятся привидения.

Значит, это она. Полицейский, который подал рапорт, положивший начало всему феномену «Дома ужасов». Я не знаю, благодарить ее или проклинать.

Единственное, что я правда знаю, так это то, что один из первоисточников Книги ошивается сейчас прямо у меня в прихожей, и я была бы идиоткой, если бы не

воспользовалась этим шансом.

– Раз уж вы здесь, шеф, – говорю я, – не хотите ли чашечку кофе?

* * *

Оказывается, несмотря на то что в Бейнберри Холл осталось много вещей, кофе среди них нет. Нам приходится довольствоваться чаем, приготовленным из таких старых пакетиков, что я подозреваю, что они были здесь еще до того, как мои родители купили это место. Чай ужасен – листья уже давно потеряли свой аромат – но шеф Олкотт, похоже, не возражает. Пока она сидит на кухне, ее прежнее раздражение смягчается до состояния смущенного ожидания. Я даже ловлю ее улыбку, когда она видит мою гримасу после того, как я попробовала чай.

– Должна признаться, когда я начинала смену, то не подозревала, что окажусь здесь, – говорит она. – Но когда мне позвонили и сказали, что в Бейнберри Холл что-то происходит, я поняла, что должна сама все проверить.

Я выгибаю бровь.

– В память о старых добрых временах?

– Старых уж точно, – она снимает шляпу и кладет ее на стол. У нее седые и коротко стриженные волосы. – Господи, это было будто сто лет назад. Это и было сто лет назад. Тяжело поверить, что я была когда-то такой молодой и наивной.

– Папа в своей Книге описывал вас как «офицер Олкотт». Вы тогда только начали работать в полиции?

– Да, прямо новобранец. Зеленая во всех смыслах. Такая зеленая, что, когда мужчина начал описывать, что в его доме обитают призраки, я записала каждое слово.

– Я так понимаю, вы ему не поверили.

– Такой-то истории? – шеф Олкотт подносит кружку к губам, но потом передумывает и ставит ее рядом со шляпой. – Нет, черт возьми, я ему не поверила. Но я приняла его заявление, потому что это была моя работа. Кроме того, я подумала, что здесь произошло что-то странное, раз вы все остановились в «Двух соснах».

«Две сосны» – это мотель недалеко от города. Я проезжала мимо него по дороге сюда – два дерева-близнеца на неоновой вывеске перед домом ярко мигали каждому проезжему. Помню, я подумала, что это унылое местечко с рядом выбеленных солнцем дверей в форме буквы «Г» и парковкой, на которой было больше сорняков, чем машин. Я с трудом представила мою семью и шефа Олкотт, забившихся в одну такую крохотную комнату и обсуждающих призраков.

– Что именно сказал вам папа той ночью?

– Почти то же самое, что и написано в книге.

– Вы ее читали?

– Конечно, – отвечает шеф. – Это же Бартлби. Тут все ее читали. Если кто и говорил, что не читал, то он врет.

Слушая шефа, я смотрю на стену напротив колокольчиков. Она частично окрашена, с полосками серого грунта, покрывающего зеленый цвет.

На меня нахлынуло воспоминание – столь же внезапное, сколь и удивительное.

Я и мой папа. Бок о бок у той самой стены. Погружаем наши валики в миску с мутным серым цветом и используем его, чтобы стереть зеленый. Я даже помню, как случайно сунула туда руку, а папа велел мне сделать отпечаток ладони на стене.

«Так ты навсегда останешься частью этого места», – сказал он.

Я знаю, что это настоящее воспоминание, а не что-то из Книги, потому что папа не описывал такую сцену. И еще она очень яркая. Настолько, что я почти ожидаю, что мой отец войдет на кухню, размахивая кистью и спрашивая:

«Готова тут закончить, Мэгз?»

Мое сердце пронзает очередной укол горя.

– Вы в порядке, Мэгги?

Я отрываю взгляд от стены и снова смотрю на шефа Олкотт, которая смотрит на меня с беспокойством.

– Да, – говорю я, хотя у меня уже кружится голова и я немного не в себе. Не только из-за воспоминаний и сопровождающего их горя, но и из-за того, что я вообще могу вспомнить что-нибудь об этом месте. Я не думала, что это возможно, и это заставляет меня задаваться вопросом – в равной степени волнующим и страшным – что я могу вспомнить дальше. Потому что это воспоминание о моем отце не совсем теплое и милое. Оно запятнано всеми годами обмана, которые последовали потом.

– А вы когда-нибудь... – я поворачиваю кружку с чаем в руках, раздумывая, как получше задать этот вопросу шефу Олкотт. – Вы когда-нибудь задумывались, почему мой папа сказал вам все это той ночью? Вы сказали, что не поверили ему. Так как вы считаете, зачем он это сделал?

Шеф долго раздумывает над этим вопросом. Запрокинув голову и постукивая указательным пальцем по угловатому подбородку, она напоминает участницу викторины, которая думает над ответом, который ей не по зубам.

– Я думаю, это была продуманная афера, – наконец говорит она. – Что ваш отец – возможно, и ваша мать – закладывал основу для того, что должно было произойти. И, наивная, я стала их козлом отпущения. Вряд ли они знали, что эта книга станет настолько популярной. Этого никто не мог предвидеть. Но я думаю, они надеялись, что их небылицы кто-то заметит. Если бы я их отшила, они, наверное, отправились бы напрямик в «Бартлби Газетт». Благодаря мне эта информация попала прямо к ним.

– А вы приходили сюда расследовать дело после разговора с моими родителями?

– Конечно. Ворота были широко открыты, а передняя дверь не заперта.

– Вы заметили что-нибудь странное?

– Вы про призраков? – шеф тихонько хмыкает, ясно давая понять, что считает подобную возможность нелепостью. – Я увидела лишь пустой дом. Ваши вещи были все еще здесь, из-за чего было очевидно, что вы уезжали в спешке. Но никаких следов насилия. Ничего, что предполагало бы, что на вас или вашу семью кто-то напал. Хотя вы порезались. На вашей щеке тогда была повязка, прямо под глазом. Я это запомнила, потому что тогда сказала, что из-за этого вы выглядите как футболистка.

Я рассеянно касаюсь левой щеки, мой указательный палец скользит по моему шраму.

– А что было после того, как вы проверили дом?

– Я вернулась в «Две сосны» и сказала вашим родителям, что тут все в порядке, – говорит шеф Олкотт. – Я сказала, что, что бы там ни было, оно ушло и теперь вы можете спокойно возвращаться. Тогда ваш отец сообщил, что он не намеревался сюда возвращаться. Я позвонила Уолту Хиббетсу, попросила его запереть дверь и уехала.

– И на этом все?

– Вы задаете ужасно много вопросов для той, кто все это пережил, – говорит шеф. – Не хотите сказать почему?

Я делаю глоток отвратительного чая и рассказываю ей все. Нет, я не помню своего пребывания здесь. Нет, я не думаю, что в Бейнберри Холл водятся привидения. Да, я думаю, что мои родители вралы. Нет, я не знаю почему. Да, я определенно думаю, что они что-то скрывали от меня в течение последних двадцати пяти лет. И да, я полностью намерена выяснить что.

Единственное, что я упускаю – так это предсмертные слова папы. Они слишком личные, чтобы ими делиться.

Когда я закончила, шеф Олкотт проводит рукой по своим седым волосам и говорит:

– Так вот почему вы хотели поговорить.

– Да, – признаю я. – Я хочу поговорить со всеми, кто упомянут в книге папы, с кем могу. Хочу услышать их мнение о произошедшем, а не его. Может, тогда я смогу понять, почему мои родители так поступили и что они скрывают.

– Назовите меня сумасшедшей, – говорит шеф, – но вы спрашивали об этом родителей?

– Я пыталась. Без особого успеха.

– Ну, узнать все от здешнего народа будет не очень-то просто, учитывая, что большинство уже мертвы.

– Я уже слышала про Уолта Хиббетса, – говорю я.

– И Джейни Джун, – добавляет шеф Олкотт. – А вот Брайан Принс все еще здесь.

Я знаю это имя. Сложно забыть человека, который написал статью, изменившую всю жизнь моей семьи.

– Но все еще работает в «Бартлби Газетт»?

– Да. Только теперь он владелец, редактор и единственный репортер. Сдается мне, вы о нем услышите, как только он узнает, что вы снова здесь.

– Вы помните что-нибудь еще о той ночи? – спрашиваю я. – Что-нибудь, что, по вашему мнению, мне следует знать?

– Боюсь, это все, – шеф Олкотт хватается шляпу. – Хотя иногда я думаю о той ночи. Как выглядел ваш отец. Как все вы выглядели. Знаете эту фразу? «Ты выглядишь так, будто только что увидел привидение»? Так можно было описать всех вас троих. И время от времени я задаюсь вопросом, есть ли зерно истины в этой его книге.

Мои руки немеют от удивления, заставляя меня поставить кружку на стол.

– Вы думаете, что в Бейнберри Холл действительно есть призраки?

– Я бы не стала заходить так далеко, – говорит она. – Я не знаю, что происходило в этом доме в ту ночь. Но что бы это ни было, оно напугало вас до смерти.

С этими словами шеф Олкотт уходит. Я провожаю ее до двери и запираю замок. Учитывая неожиданное появление Эльзы Дитмер и слух о том, что фанатики «Дома ужасов» действительно проникали внутрь, это кажется хорошей идеей.

Снова одна, я продолжаю тур, который так внезапно прервали. Вернувшись в гостиную, я замечаю нечто странное. Похожие на крылья двери в верхней половине секретарского стола закрыты, хотя я почти уверена, что оставила их открытыми.

Но это не единственное, что странно.

Серебряный нож – тот, что с инициалами Уильяма Гарсона, который я оставила на столе, – пропал.

27 июня

День 2

Наш первый полноценный день в Бейнберри Холл начался довольно рано, в основном потому, что никто из нас прошлой ночью почти не спал. Я списал это на то, что на новом месте еще никто не привык к новым ночным звукам. Щелчки вентилятора на потолке. Жуткий скрежет ветки дерева об окно спальни. Бесконечный хор скрипов сотрясал дом, как летняя гроза.

Я даже во сне слышал какие-то звуки. Такие странные, казалось, они исходили одновременно и сверху, и снизу. Мне снились захлопывающиеся двери, выдвигающиеся ящики, закрывающиеся, открывающиеся и снова закрывающиеся шкафы. Я знал, что это был сон, потому что каждый раз, когда я просыпался с уверенностью, что в доме кто-то есть, шум сразу же прекращался.

У Мэгги тоже были такие сны, хотя я подозревал, что тут дело скорее в воображении. Она вошла к нам в комнату чуть позже полуночи, сжимая подушку так, будто это был ее любимый медвежонок.

– Я что-то слышала, – сказала она.

– Я тоже, солнышко, – ответил я. – Это просто дом. Помнишь, я тебе рассказывал, что наша квартира ночью поет колыбельную? У этого дома она тоже есть. Просто эта колыбельная отличается от той, к которой мы привыкли.

– Мне не нравится эта колыбельная, – сказала Мэгги. – Можно я сегодня здесь посплю?

Мы с Джесс уже обсуждали вероятную возможность того, что Мэгги не захочет спать в своей комнате. Она была маленькой и еще не привыкла к перемене.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Vaneberry (англ.) – воронец или волчья ягода, отсюда Бейнберри Холл.

Купить: https://telnovel.me/seyger_rayli/dom-na-krayu-temnoty

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)